

Татъяна
ТРОНИНА

Хозяйка чужого дома

истории
любви

Татьяна Тренина

Хозяйка чужого дома

«ЭКСМО»

2010

Тренина Т. М.

Хозяйка чужого дома / Т. М. Тренина — «Эксмо», 2010

Игорь и Лара были счастливы вместе на протяжении семи лет. Именно столько длился их брак до того, как пара переехала в новый дом и приобрела новых соседей. Глядя на Костю – веселого, разговорчивого соседа, Лара чувствует, как сильно ее к нему тянет. Но стоит ли ради этого внезапного, хотя и яркого чувства рушить и свою, и чужую семью? Каково оно – быть хозяйкой чужого дома?...Ранее роман выходил под названием «Две жены плейбоя»

© Тренина Т. М., 2010

© Эксмо, 2010

Татьяна Тронина

Хозяйка чужого дома

Многэтажный, красного кирпича дом стоял на пригорке, обдуваемый всеми ветрами, – казалось, что крышей он достает до низких, сине-черных туч, стремительно и грозно плывущих на запад. Внизу чахлой змейкой вилась Яуза. Здесь, за Окружной дорогой, она текла свободно и лениво, ее бока не стискивали гранитные набережные, здесь она смотрелась обыкновенной подмосковной речушкой, заросшей бурыми прошлогодними камышами, с прибившимся к берегам мусором.

Только-только сошел снег, оставив на земле темные пятна. Пахло псиной и известкой, возле подъездов валялись ржавые батареи и битый кирпич – все говорило о том, что дом построили совсем недавно и что должно пройти немало времени, прежде чем у этого места будет обжитой вид.

Тучи, переполненные то ли последним снегом, то ли первым дождем, упорно стремились к центру Москвы, словно выполняя особое задание Гидрометцентра. Но вскоре восточная часть небосклона освободилась от них, и, едва последнее черное облачко перестало загораживать солнце, многэтажная башня запылала в утренних лучах розовым огнем.

Игорь проснулся от яркого солнечного света, бьющего прямо в окна, – как будто кто-то направил ему в лицо мощный прожектор, и даже вздрогнул от неожиданности.

– Лара, Лара! – закричал он в изнеможении, тщетно кутаясь в одеяло. – Убери...

Одеяло застряло между стеной и диваном и упорно не поддавалось попыткам Игоря вытянуть его из щели.

– Что убрать? – выскочила из соседней комнаты Лара – в тренировочном костюме, бодрая и полная сил, похожая на ведущую спортивной передачи «Ноги на ширине плеч, руки на поясе, начинаем наклоны...».

– Вот это... Прямо в мозги мне светит!

– Это? В мозги ему светит! – расхохоталась Лара, впрочем, без всякой злобы. – Вот в углу молоток, вон карниз... Предлагаю повесить шторы!

– Я не могу, – упрямо ответил Игорь. Одеяло наконец выдернулось, и Игорь закутался в него с головой. – У меня спина отваливается. Честное слово, всю поясницу как будто парализовало... – забубнил он уже из-под укрытия.

– А нечего было жадничать, надо было еще одного грузчика нанять.

– Лара, но это ведь ты заказывала...

Вместо ответа она подошла к дивану и скинула с мужа одеяло.

– Что там с тобой? – почти встревоженно спросила она, пробегая сильными пальцами с длиннейшими ногтями, покрытыми иссиня-черным лаком, вдоль позвоночника Игоря. – Здесь?

– Ой... Нет! Здесь...

– Горе мое! – Она прыгнула с дивана и через минуту вернулась, держа в руках нечто, напоминающее скалку, только усеянное широкими шипами. – Небольшой массаж...

– Лара, это садизм! – пыхтел Игорь, извиваясь на животе. – Мне больно! Тебе кто-нибудь говорил, что ты садистка?

Оседлав мужа, она водила по его спине тренажером, хладнокровно слушая вопли, которые издавал Игорь, уткнувшись лицом в подушку.

– Надо тебе Вадика показаться, – заметила Лара. – Зайдешь к нам завтра в салон? Он классно разминает...

– Ты же говорила, что Вадик нетрадиционной ориентации? Ой, не так сильно...

– Ну и что. Я буду в соседней комнате, и потом, у нас же там не вертеп какой-нибудь.

– Нет, я буду чувствовать себя униженным...

– Ты меня в гроб вгонишь! – в сердцах воскликнула Лара, для убедительности слегка стукнув массажером по затылку своего благоверного. – Вечно тебя уговаривать приходится... Вставай!

Она опять куда-то убежала, а Игорь, осторожно шевеля руками, сел на постели. Лучи били прямо в глаза, он жмурился, отворачивал лицо, а солнце играло в его волосах, переливаясь медовым блеском.

– Лара! – опять крикнул он. – Мы неправильно спальню здесь сделали. Надо в другой комнате, той, что ближе к кухне...

– Там будет детская. – Лара снова появилась в дверях, держа в руках электрическую дрель и играя ею, точно герой боевиков автоматом. – Держи! Ты мне нужен для мужской работы...

– Думаешь, уже пора заводить беби?

– Полотенце в ванной некуда повесить! – рассердилась Лара. – А ребенка... ты же знаешь, только когда все в божеский вид приведем. И потом, еще приличную мебель надо достать...

– А говорила – для мужской работы, – проворчал Игорь, вертя в руках дрель. – Может быть...

– После, после! – крикнула Лара, убегая на кухню. – Мне сейчас не до того... Какой-то мандраж из-за этой квартиры, знаешь...

Но она нервничала и сердилась только для виду, на самом деле Лара была счастлива. Со вчерашнего дня, со дня переезда, ее не покидало радостное волнение – наконец у нее появилось собственное гнездышко, и ей, как и всякой женщине, не терпелось поскорее обустроить его. В голове роились тысяча планов, но главное – Лара особенно остро осознавала сейчас, как она безумно любит Игоря. Нет, не просто любит, а обожает, до такой степени, что съела бы его в сыром виде и без соли, и она удивлялась тому, что ее чувство за восемь лет не стало слабее, а, наоборот, кажется, даже усилилось...

Это Лара, а не Игорь мечтала о ребенке. Завести его раньше не представлялось возможным – они жили в крошечной однокомнатной квартирке, где детскую кроватку даже некуда было поставить. Наконец супруги купили новую квартиру, правда, кое-чем пришлось пожертвовать – если раньше они жили в центре, то теперь переселились на самую окраину, что, впрочем, Лару вовсе не расстраивало. Еще зимой, когда они приезжали сюда, выбирая новое жилище, она представила себе, как будут выглядеть эти места летом – и старый московский центр с толпами людей и сплошным потоком машин вмиг ей разонравился. Она захотела чистого воздуха, леса, который видно из окна, и тишины, о которой мечтает каждый нормальный человек.

– Гарик, решайся, – сказала она тогда мужу. – Здесь мы будем счастливы.

– А разве мы несчастны? – удивился тот, ежась от мрачного зимнего пейзажа. – Здесь деревня какая-то...

– Нет, но ты же знаешь... – намекнула она на невозможность завести ребенка в тех условиях, в которых они тогда жили. – Здесь у нас будет трехкомнатная квартира, а в центре мы на эти деньги ничего подходящего не купим.

– Только потом не говори...

– Гарик, все будет отлично!

Игорь полностью доверял жене – почти во всех житейских проблемах она разбиралась лучше его, и в этот раз он спорить не захотел.

– Ладно, тогда здесь у меня будет собственный кабинет, – важно заявил он, совершенно не представляя, для чего он ему нужен.

– О господи, что мне, жалко, что ли! – в сердцах воскликнула Лара. – Да что хочешь...

Она знала, что Игорь не так горячо, как она, мечтает о малыше, что он скорее снисходительно соглашается с ней – да, неплохо бы завести беби, чтобы все как у людей, – но это ничуть

ее не огорчало. Она обожала своего мужа и свято верила, что потом он будет благодарен ей – как всегда происходило раньше.

Она вспомнила все это, улыбнулась и стала смотреть, как в ванной Игорь возится с дре-лю. Ей казалось, что лучше ее мужа никого нет, что он необыкновенно хорош, и все в нем настолько соразмерно и гармонично, что им можно любоваться, как скульптурой в греческом зале Музея имени Пушкина. Чуть выше среднего роста, не худой и не толстый, а именно такой, каким должен быть тридцатилетний мужчина, – юношеская стройность в сочетании с силой, которая приходит с возрастом, спокойное лицо, нос чуть вздернут, полные мягкие губы, впро-чем, слегка безвольные, безупречный затылок, мягкие кольца золотисто-каштановых волос. Лара сама стригла своего мужа, панически боясь, что чья-нибудь равнодушная рука неудачно выбранной прической может нарушить светлую, безмятежную гармонию внешности.

– Здесь ужасные ручки и ужасная сантехника, – сказала она, не отрывая взгляда от его плеч. – И плитку надо перекладывать...

– Это столько возни.

– Я найму мастеров, ты не беспокойся. И надо поменять дверь на кухню – сделать склад-ную, гармошечкой, чтобы не мешала.

– А по-моему...

– Гарик, чуть выше, неровно получается!

– А завтракать?

– Ой, совсем забыла...

Лару никак нельзя было отнести к новомодным феминисткам, которые требовали для себя равных прав и не желали ухаживать за мужьями, считая, что у тех тоже есть руки. Она была женщиной старой закалки, через гены матери и бабки ей передалась истинно русская страсть нянчиться со своим мужчиной, точно с младенцем, и при виде голодного Игоря ее начинала мучить совесть. Вот и сейчас свою забывчивость она ощутила как преступление.

Овсяная каша, полезная для желудка, легкий салат, мясная котлетка – настоящая, не полуфабрикатная... Лара все готовила быстро и легко, она не делала себе скидок даже из-за переезда.

– Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный, Адонис, женской лаской прельщенный... – напевала она, с артистизмом истинного мастера переворачивая котлетку без помощи вилки, просто подкинув сковородку. – Гарик, ты где там?

– Лара, ты чудо, – дежурно сказал он, целуя жену в висок. – Мне кажется...

– Что, прямо здесь?

– Почему нет?...

Ближе к вечеру они наконец сумели немного обустроить свое новое жилище, чтобы оно не было похоже на походный бивак.

– Так тихо, – сказала Лара, подходя к окну. – Я не привыкла.

– Просто дом еще пустой. Нет соседей сверху, снизу и за стеной. Кажется, мы единствен-ные в этом подъезде.

– А вот в соседнем... Ты видел – какие-то крутые «новые русские», на черном джипе...

– Лара, джип еще ничего не значит, сейчас у всех машины!

– Ой, смотри – самолет летит...

Далеко-далеко, над лесом, медленно тянулся светлый самолетный след, небо было чистым, неправдоподобно ярким, словно нарисованным. И в этот момент кто-то загрохотал, застучал на лестничной площадке.

– Соседи! – удивилась Лара. – Может быть, сходим познакомимся?

– Лучше ты, у меня еще есть одно дело.

Она чмокнула мужа, выбежала в коридор и осторожно приоткрыла входную дверь.

Дверь напротив была тоже открыта, и какая-то худая девица с грохотом выбрасывала на лестничную площадку старые доски.

– Добрый вечер! – с любопытством сказала Лара.

– Добрый... – мрачно ответила девица. На ней была только длинная майка, отчего она выглядела немного странно – весенний промозглый сквозняк гулял по этажам, и тоненькие ножки девицы покрывали крупные мурашки, узкие колени посинели.

– Мы теперь соседи, да? – Лара была настроена доброжелательно, и мрачный вид девицы ничуть ее не смутил. – Меня зовут Ларисой.

– Елена, – представилась соседка и добавила, не меняя тона, в унисон своим мыслям, наверное: – Лучше бы меня сразу пристрелили...

– А что случилось? – испугалась Лара.

– Лифт не работает.

– Вчера, кажется, все было в порядке...

– Костя с вещами внизу, – продолжила девица. – Костя – это мой муж. Техники только через час будут. И везде бабки давать надо, бабки...

– Помочь? – решительно предложила Лара.

– Нет, – покачала головой девица, – вы и сами, наверное, еле живые. Этот переезд... Но ничего страшного – только час подождать. Вот, какие-то доски в коридоре валялись! – Она пнула ногой по деревяшке.

– Лена, да вы только скажите, мы же соседи...

Девица вдруг подобралась и, несмотря на майку и посинелые колени, всем своим видом изобразила царственное величие.

– Не Лена – нет, – мягко и снисходительно поправила она. – Елена...

– Пардон! – Лара машинально шаркнула ногой, словно делая реверанс. – Здесь так холодно!

– Да, пойду оденусь, – сказала девица. – Все равно – большое спасибо.

– Так заходите, если что... по-соседски.

Лара захлопнула дверь и побежала к мужу – доложить о том, что увидела.

– Ты представляешь, – крикнула она, влетая в комнату, – какая-то принцесса крови...

– Что?

– Да соседи!

– Ты их видела?

– Не их, только ее... Тоже семейная пара – муж и жена! Я видела ее, муж где-то внизу, сторожит мебель, лифт сломан – или черт знает что с ним такое... Нам крупно повезло вчера, не пришлось таскать вещи на шестой этаж по лестнице!

– Какая она? – без всякого интереса спросил Игорь, перекладывая перед собой книги из большой коробки. – Как ты думаешь – ставить по цвету обложек или по алфавиту...

– Без разницы! – Лара от возбуждения даже топнула ногой. – Ты не представляешь, сколько гонора было в этой особе, хотя я с ней едва ли парой слов перекинулась... Елена!

– Она?

– Знаешь, какая она?

– Ну?

– Серая мышка! – с мстительным чувством выпалила Лара, плюхаясь на диван рядом с мужем. – Бледная, невзрачная серая мышка!

– Золотце мое, а ты так хотела познакомиться с соседями, – сочувственно произнес Игорь, целуя ее. – Погоди, все еще образуется, эти переезды не самым лучшим образом отражаются на настроении людей...

* * *

Поздним-поздним вечером, когда за окнами стояла непроглядная ледяная темень, которая бывает только за городом и только ранней весной, Елена сказала Косте:

– Ты знаешь, а я уже успела познакомиться с нашей соседкой. Очень милая женщина...

– Да что ты говоришь! – воскликнул он, с наслаждением отхлебывая горячий чай из большой кружки, вылепленной в виде женского бюста с плоскими коричневыми сосками. – Она одна?

– Нет, еще есть муж, только тот не соизволил выглянуть...

– Собак нет?

– Слава богу, кажется, нет.

– Это хорошо, – удовлетворенно произнес Костя – сегодняшняя возня ничуть не отразилась на нем, он был из породы тех мужчин, которые при любых обстоятельствах выглядят цветущими и довольными жизнью. – А то будут гавкать за стеной, и вообще... Молоденькая?

– Ага! – засмеялась Елена.

– Хорошенькая?

– Да как сказать... Тетя лошадь! – Она уже откровенно веселилась. – Огромная! Почти с тебя ростом, вакхические формы и все такое... Настоящая фемина! Хотела помочь нам с мебелью, но я отказалась.

– Зря. Надо с самого начала налаживать отношения, мало ли что потом...

– Да уж! Она одна бы перетаскала наши шкафы и диваны, без всякого усилия.

– Ты же говоришь – милая...

– Но такая огромная... Костя, а куда мы засунули мой мольберт?

– Да вот же он, на самом видном месте...

* * *

Если раньше Лара тратила на дорогу до работы всего каких-то десять-пятнадцать минут, то теперь, по ее прикидкам, меньше чем часом-полутора не обойтись.

– Десять минут до электрички, – бормотала она, летя по разбитой глинистой дороге вдоль леса и на ходу делая расчеты, – ровно двадцать минут в электричке, двадцать в метро с одним переходом, десять пешком... Это если электричка придет вовремя и перед эскалатором в метро не будет давки!

Опаздывать Ларе не хотелось – на десять часов к ней записалась одна весьма привередливая клиентка, даром что с простецкой фамилией Сидорова. Она очень не любила ждать, хотя у самой времени хоть отбавляй – она находилась на иждивении у своего... спонсора. Кажется, именно так это сейчас называется. Сидорова отличалась болтливостью – а с кем, как не с парикмахершей, можно всласть обсудить перипетии личной жизни...

Лара считалась очень хорошим мастером. Своими сильными ловкими руками с помощью ножниц и расчески она могла дивно преобразить даже самую невзрачную женщину, а по части укладок она была просто асом – это признавали все другие мастера, которые работали в одном с ней салоне. Но главным ее талантом была способность поддержать беседу, выслушать клиентку. Она умела, не влезая в душу собеседнице, вовремя поддакнуть или ужаснуться, так что особа, чьими волосами она в данный момент занималась, могла беспрепятственно изливать душу, словно на приеме у психоаналитика. А если Лара чувствовала, что клиентка настроена угрюмо и изливать душу не склонна, то мило щебетала сама о каких-то пустяках, и ее щебетание действовало очень успокаивающе – как шум морского прибоя.

Итак, Лара торопилась и даже немного нервничала, впрочем, успокаивая себя той мыслью, что большинство москвичей тратят на дорогу времени не меньше, а на путь от «Планерной» до, скажем, «Красногвардейской» – и того больше. Игорь остался в этот день дома – ему было проще отпроситься с работы, и Лара сейчас думала, справится ли он с теми поручениями, которые она ему с утра надавала, ведь Гарик такой рассеянный, может что-нибудь перепутать. Нет-нет, он делал все, о чем она его просила, только было бы лучше, если б она была рядом и руководила его действиями...

На рабочем месте Лара оказалась даже раньше срока. Немного взвинченная, сияющая, она, как всегда, ошеломила своей энергией коллег. Аллочка за соседним столиком дезинфицировала расчески, Гелла перед зеркалом сама себе изображала пышные кудри, а педикюрша Людмила Савельевна сидела у окна в расслабленной, но полной внутреннего напряжения позе – как пантера перед прыжком, готовая сорваться с места, едва только звякнет колокольчик на двери, и начать свой трудовой день – отмачивать чужие мозоли и стричь чужие твердые ногти. Людмила Савельевна была человеком долга.

– Какой румянец! – томно сказал Вадик, пробегая мимо Лары. – Это что, уже влияние деревенского воздуха сказывается?

– Да уж! – приснула она. – Представляете, девочки, прямо перед окнами – лес!

– Не представляю, – Гелла уже в три раза увеличила объем своей прически и, похоже, решила не останавливаться на достигнутом. – А у меня под окнами автостоянка. Ни заснуть, ни выспаться...

– Когда на новоселье? – улыбнулась Аллочка.

– Скоро, вот только с мебелью разберемся. Пока даже сесть некуда!

– А то и в лес на шашлычки... – мечтательно промурлыкал Вадик, дефилируя в обратную сторону.

– Еще холодно, – возразила Лара. – Раньше мая бесполезно...

Постепенно салон наполнялся людьми – пришли еще пара парикмахерш, потом маникюрша, потом те, кто занимался парафинотерапией и солярием... Салон, в котором работала Лара, был частным, и посещали его в основном люди с достатком, для которых внешность имела большое значение. Поэтому работа в этом салоне под эффектным и загадочным названием «Ринна Носка» была весьма престижной. Да и с материальной точки зрения... Хозяйкой салона являлась Катерина Ивановна Носкова, почтенная пожилая дама с килограммом золота в ушах, на груди и на пальцах, которая, особо не раздумывая, переделала свое простое отечественное имя на красивый заграничный манер.

Катерина Ивановна, при всей своей купеческой простоте, очень неплохо разбиралась в людях (кадры решают все!), и парикмахерша Лара была у нее на хорошем счету. Ведь помимо парикмахерских талантов Лара, которую совершенно напрасно новая соседка назвала «лошадью», была красива и являла собой нечто вроде рекламного щита, подтверждающего достоинства и высокий уровень услуг салона красоты «Ринна Носка». Ибо только совершенное может создать совершенство – ни одна дама не доверила бы свою прическу особе, которая даже себя не может сделать привлекательной.

Да, Лара была выше среднего роста, и тип телосложения ее можно было назвать атлетическим. Но ни грамма лишнего жира не пряталось под ее упругой гладкой кожей, лишь мускулы, да то, что мужчины называют неопределенным и притягательным словом «формы» – иногда даже Лару принимали за спортсменку, занимающуюся бодибилдингом. Но спортом она не занималась, в ней было в избытке природного здоровья. Вся ее родня, вышедшая из сибирских лесов и под влиянием перемен, потрясших двадцатый век, переселившаяся в Москву, отличалась красотой и долгожительством. А про одну из бабок, которая и в старости была, что называется, «кровь с молоком», написали даже в «Медицинском вестнике». Бабке было сто лет, а она умудрялась печь пироги для всех своих родственников и читать газеты без очков.

Лара специально мужскими прическами не занималась, делая исключение лишь для своего мужа, но посещающие салон господ не могли не интересоваться ею. Она действительно выглядела девушкой с рекламной картинки – со статью манекенщицы, длиннейшими ногами, аппетитным бюстом, всегда в черном. Лара обожала этот цвет. И ее короткие иссиня-черные волосы – а оттенка воронова крыла она добивалась не без помощи парикмахерских ухищрений – великолепно сочетались с огромными зеленовато-карими глазами, в которых, как в вязком болоте, тонул каждый встречный. Только губы на молочно-белом, даже голубоватого оттенка, лице Лары выделялись ярким алым пятном. Но господа посетители могли сколько угодно, захлебываясь, тонуть в ее глазах, сама она не делала ни малейшей попытки помочь им. Весь салон, например, потешался и сочувствовал некоему мужчине, который с упорством маньяка ходил стричься к Гелле, Ларочкиной соседке, а сам, вздыхая и томясь, глазел в зеркало на Лару. Несколько раз он просил, чтобы его волосами занялась именно она, и готов был платить любые деньги, на что Лара ему с невинной улыбкой отвечала, что «мужчинами она не занимается». Она была равнодушна к ухаживаниям, пусть самым романтическим. Она любила своего Игоря и очень боялась его огорчить. Даже заочно, даже если б он и не узнал никогда ничего.

Явилась привередливая дама по фамилии Сидорова. Лара подстригла ей волосы и уложила их в сложную высокую прическу, отчего дама стала похожа на английскую герцогиню, только стервозно-кислое выражение лица немного ее подводило. При этом Лара терпеливо выслушала исповедь дамы о негодяе-спонсоре, который всю ночь шлялся по казино. Потом пришла милая девушка, которая волновалась перед ответственным свиданием, потом сама госпожа Носкова доверила Лариным ручкам свои седые кудри, потом...

К середине дня образовалось небольшое окно, и Лара уединилась с Геллой в комнате для персонала. Сегодня Гелле подарили огромную коробку конфет, и она ими всех угощала. Лара пила кофе и болтала с подружкой о всяких пустяках.

– Счастливая ты, Лариса, – сказала Гелла, выбирая из коробки те конфеты, что были с ее любимой начинкой – розовой нугой. – Сколько ни ешь, никак на фигуре не отражается.

Гелла была тоже девушкой с рекламной картинки, но скорее с той, на которой рекламировались изделия какого-нибудь мясоперерабатывающего комбината – на фоне буженины или «Докторской колбасы» она смотрелась бы превосходно.

– Это все гены, – философски заметила Лара, кладя в рот шоколадку. – Если тебе не суждено похудеть, то никакие диеты не помогут.

– А я вот хочу по методу известной певицы...

– Может быть... Слушай, ты заметила, «сама» сегодня не в духе? – Лара имела в виду хозяйку салона.

– У нее дочка замуж вышла, и очень неудачно, – Гелла, как всегда, была в курсе. – Зять пьет и по бабам таскается...

– Не повезло девочке!

– Не всем же должно везти. Это ты у нас... Хотя я считаю, повезло не тебе, а Игорю. Господи, и надо ж так носиться с мужиком! Он хоть в магазины ходит?

– Ходит, Геллочка, ходит. Сегодня вот дома остался, по хозяйству... Двери там такие хлипкие, как из картона! Столько всего еще переделывать надо...

– А ребенка когда?

– Вот только устроимся... Как ты думаешь, «сама» меня не попрет?

– Из-за ребенка? Вопить будет, но не попрет, ты у нас ценный кадр. Правда, в декрете долго засиживаться она тебе не даст.

– Ничего, я потом няньку найду.

– А ты видела ту фифу, которой я химию делала? Не понравилось ей. Сказала, что на продавщицу стала с такой прической похожа.

– Ты бы ей предложила сначала на компьютере смоделировать.

– Я предлагала, только ее жаба задушила, тридцать долларов жалко стало.

Геллу позвали в зал, и Лара осталась сидеть одна. В окно был виден старый московский дворик – совсем как тот, из которого она недавно уехала. Неподвижно стояли голые тополя, в песочнице сидела огромная ворона и, склонив голову, хитро наблюдала, как к ней крадется черная кошка...

В сердце вдруг медленно вползла тревога – Гелла права, Гарик так инфантилен. Но она не представляла себе рядом с собой другого мужчину. Кровью и мясом, как говорят, она приросла к этому милому мальчику с золотыми кудрями. Вечному мальчику, который держал в своих теплых ладонях ее сердце. А разжал бы их, и она бы умерла.

...Тем временем Игорь смотрел, как мастера приваривают железную дверь к его новому жилищу. Сначала он по-хозяйски ходил возле, по старой лестничной площадке, наблюдая за работой, потом ему это до смерти надоело, и он засел в теплой кухне с газетой. Писали о разном – о войне, о новом компьютерном вирусе, от которого уже произошло много убытков, о способах выращивания рассады и о новомодном средстве борьбы с облысением. Когда газета была прочитана от корки до корки, мастера как раз закончили работу. Игорь подергал за ручки, пощелкал ключами, расплатился с рабочими и принялся снаружи прикручивать золотые циферки с номером квартиры. Он так увлекся, что не заметил, как рядом с ним встал какой-то человек и с видом знатока пощупал дерматиновую обивку на новенькой двери.

– Вы кто? – с достоинством спросил Игорь, глядя сверху вниз со стремянки, на которой стоял.

– Будем соседями, – сказал человек и протянул Игорю руку. – Константин.

Игорь слез со стремянки и с удовольствием потряс протянутую руку.

– Игорь, – просто ответил он. – А прежняя дверь очень хлипкая, одним ударом можно вышибить.

– Да, нам тоже такая нужна. Где заказывали?

Игорь сказал.

– Сталь двусторонняя? А ребер жесткости сколько? И почему?

Мужчины увлеклись обсуждением достоинств приобретения Игоря и совершенно забыли, что каких-то пять минут назад ничего друг о друге не знали. Они ощупали и чуть ли не обнюхали новую дверь сверху донизу, потом плавно перешли к той, за которой обитал Константин, и обсудили ее, а в заключение принялись советоваться насчет того, где выгоднее и ближе купить стройматериалы, необходимые для перепланировки жилища, – в новых квартирах все было сделано наспех и не по вкусу вселившихся хозяев.

Они не заметили, как оказались на подоконнике возле мусоропровода, дружно покуривая Костины «Морли», – это уже было почти приятельство. Игорь даже хотел позвать соседа к себе, но вспомнил, что кое-какие из Лариных поручений он не успел выполнить.

– Где работаешь? – спросил он, продолжая доверительный разговор.

– Я редактор, – сказал Костя. – Пока еще не главный, правда... – и он усмехнулся. – Работаю в журнале для молодежи «Всегда и везде». Еще и статьи пишу к тому же. И редактор, и журналист. Приходится крутиться – журналишка новый, кадры бестолковые, еще ничего не устоялось...

– Так интересно же! – с воодушевлением воскликнул Игорь. – Я всегда завидовал людям творческих профессий. В их труде есть что-то такое, что не дает погрязнуть в обыденности жизни...

– Нет, абсолютно никакого романтизма! – засмеялся Костя. Он вообще был очень смешлив и добродушен, довольное выражение не сходило с его лица. Огромный, лохматый, он напоминал медведя, забравшегося в малинник. – Проблемы нашей молодежи, места, где можно

потусоваться, всякие сердечные советы... Отрава! Я уже давно вышел из этого возраста, да и вообще...

– А сам ничего не пишешь? Ну, типа, как писатель?...

– Хороший вопрос! – Костя крикнул, давая сигарету, и быстро переменял тему: – А ты-то где работаешь?

– Офис-менеджер. Оргтехника и всякие комплектующие... А жена парикмахером в салоне. Она – мастер высшего класса.

– Тоже творческая профессия, – как бы одобрил Костя, кивая огромной лохматой головой. – Искусство вечно, красота – бесконечна... А моя Лялька художник.

– Здорово.

– И платят хорошо, – серьезно согласился Костик. – Сейчас полно желающих, которые мечтают себе авторскую работу на стену повесить, да чтоб в золотой раме. Эксклюзив, так сказать. Только я ее не понимаю... – он вдруг перешел на шепот.

– В каком смысле?

– Ее творчество не понимаю. Она, конечно, в Суриковском училась и награды всякие завоевывала, и в своем журнальчике я про нее статейку тиснул – так и так, молодое дарование... Но что она хочет сказать своими картинами – без понятия.

– А как же ты про нее статью писал? – искренне удивился Игорь.

– Старик, ты не представляешь себе журналистику... Там все можно!

– Я бы посмотрел, – неожиданно вырвалось у Игоря, но он тут же спохватился: – Пардон, совсем не хотел навязываться...

– Да ты что, старик! – ухмыльнулся Костя. – Какие проблемы – мы ж соседи теперь. Заходи, жену бери, новоселье вместе отметим. Только ты обязательно похвали Елену, когда ее картины будешь смотреть, что-нибудь такое маргинальное скажи.

Игорь вернулся к себе. Смутная улыбка витала на его губах – сосед оставил после себя очень приятное впечатление. Он хотел было приступить к делам, которые поручила Лара, но такое расслабление вдруг накатило на него после дружеского разговора, что он прилег на диван и невольно уснул.

За окном буйствовал ледяной ветер, перед окнами раскачивались, словно протестуя, верхушки деревьев, мчались бесконечные сизые облака – они закрывали все небо, им не было конца и края... А сон приснился Игорю солнечный, теплый.

...Он видел себя маленьким мальчиком – хорошеньким кудрявым херувимом, заласканным до такой степени, что все окружающие пророчили его родителям мрачные картины будущего. Его никогда не наказывали, позволяли ему абсолютно все. Сколько раз, спрашивая позволения у матери или отца сделать что-то, спрашивая скорее из любопытства и не опасаясь возможного отказа, он получал ответ: «Ты свободный человек, пожалуйста, делай, что считаешь нужным». Иногда родители не советовали приступать к непосредственному исполнению замысла, но категорических запретов не было никогда.

«Эгоистом вырастет, – говорили им. – В старости от него и стакана воды не дождетесь!» Не раз какая-нибудь соседская бабулька или сторонний наблюдатель рекомендовали отшлепать Игорька хотя бы для эксперимента – нельзя же воспитывать ребенка только с помощью пряника, надо и кнут применять! Но родители в ужасе руками махали: им казалось невозможным наказать собственное чадо, они страшились совершить непоправимое, загубить, испортить чистую детскую душу, боялись, что сын обидится на них навсегда. Если он просил о чем-то – всегда получал желаемое. Время было скудное, застойное, родители во многом себе отказывали ради сына, ради улыбки на его лице. Он обожал клубнику, и едва на рынке появлялись первые ягоды, очень дорогие, перед Игорьком оказывалась тарелка, полная спелых сочных плодов. «А ты, мама, разве ты не хочешь?» – спрашивал он, удивленно заглядывая матери в глаза. И слышал в ответ: «Нет. Может, одну ягодку...»

Ему снилось, как он идет с матерью – она, такая юная, симпатичная, в цветастом коротеньком платье по тогдашней моде, ведет его за руку. Солнце сплошным потоком льется на них, он жмурится, черный асфальт плавится под ногами, за кирпичной стеной шумит старый рынок. «Подожди здесь, – говорит она. – Я быстро, а то тебя там затолкают».

Он остается возле ворот – в те времена еще было можно оставлять детей одних – и ходит, скучая и томясь, вдоль кирпичной стены, разглядывая собственные сандалии. В стене низенькая дверь, вся покрытая трещинами. Игорек не помнил, чтобы когда-нибудь эта дверь открывалась, на ней висит огромный ржавый замок. Из любопытства он дергает ручку – дверь вросла в землю намертво, она даже не отзывается на толчок. Внизу рассыпана щебенка, растут чертополох и какие-то мелкие городские цветы желтого цвета, чахлые и полузатоптанные...

Пожилой татарин Ахмет Саидович метет асфальт перед рынком, потом останавливается перед мальчиком и строго глядит. Лицо дворника абсолютно непроницаемо и неподвижно, но Игорь не чувствует страха.

«Своя мама ждешь?»

«Да».

«На конфетка».

Это почти ритуал – каждый раз дворник дает ему дешевую карамельку с приторным липким запахом, но Игорек, закормленный бабаевским шоколадом, никогда не отказывается от нее. Очень ему не хочется огорчать Ахмеда Саидовича, хоть у него и такое строгое лицо.

Наконец появляется мама. В руках у нее авоська, полная картошки, и небольшой пакет – сквозь целлофан видно красные ягоды. «Это тебе! – говорит он, протягивая матери сорванный цветок. – С праздником Восьмого марта!» Восьмое марта было тысячу лет назад, но мама чуть не плачет от умиления: «Спасибо, золотце...»

Родителей уже нет в живых, старый рынок снесли, на его месте давно стоит длинный сарай из стекла и бетона, но до сих пор Игорю хочется знать, что там, за старой дверью, было.

...В квартиру резко позвонили. Игорь вскочил и, путаясь спросонья, стал открывать замки.

– Поставили, да? – весело спросила Лара, влетая в коридор, нагруженная сумками и пакетами. – Больше не стали просить заплатить?

– Нет, все, как и договаривались...

– Что это с тобой?

– А я спал. Представляешь, мне приснилось детство, как мы тогда с мамой...

– И коробки не разобрал? – огорчилась Лара, заглядывая в комнату. – Эх ты, сон Обломова... Нельзя так бездарно тратить с трудом заработанный отгул!

– Ларчик, если ты будешь ругаться, у меня настроение испортится. Мне такой сон...

Лара начала молча раздеваться, напустив на лицо выражение мученицы, терпеливо принимающей все страдания.

– Отнеси сумки на кухню, – кротко сказала она. – Я буду ужин готовить.

– Хочешь, я картошку почищу?

– Спасибо, но я специально купила рис...

Она крутилась возле плиты, а Игорь сидел за столом и, подперев голову рукой, наблюдал за женой. Неопределенная, мечтательная улыбка все еще играла у него на губах.

– Лара, ты помнишь, как мы познакомились? – вдруг спросил он.

– Конечно, – спокойно ответила она. – У меня зонтик открылся в переполненном троллейбусе, а ты помог мне его закрыть.

– Ты им какой-то даме умудрилась порвать колготки, и она страшно ругалась, но я выступил в роли миротворца.

– Послушай, а я не помню никакой дамы!

– Была, была! Ты знаешь, я до сих пор уверен, что ты нарочно нажала кнопку на зонтике – тебе был нужен повод, чтобы со мной познакомиться.

– Конечно! – засмеялась Лара. – А то стоит рядом симпатичный юноша, глазеет, и все. Хотя нет, на кнопку я нажала случайно.

– У тебя подсознание сработало, инстинкт. Ты всегда сначала делаешь, а потом думаешь.

Тогда он и влюбился в Лару. Сразу, не раздумывая, бросился в любовь, как в море, сомнения нисколько его не терзали – Лара была очень похожа на маму. Не внешне – нет, но внутренней своей сущностью, жертвенной и бескорыстной, горячим, бездумным желанием отдать все, не прося ничего взамен.

Через две недели после знакомства они понесли заявление в загс, поражая всех своим легкомыслием. Помнится, Ларина мать, почтенная матрона, весящая центнер с лишним, рыдала на свадьбе, предчувствуя какие-то неведомые, но очень страшные беды, которые должен принести ее дочери столь скоропалительный брак. Ни одно из ее туманных и жутких пророчеств не сбылось. Но тем не менее до сих пор она с подозрением поглядывала на зятя. Даже когда прошлой осенью Лара сообщила ей, что они собираются покупать новую квартиру, мамаша поджала губы и многозначительно произнесла: «Ну-ну...»

* * *

В начале апреля вдруг как-то резко потеплело. Из прогретой земли проклюнулись первые бледно-зеленые ростки будущей травы, сизый воздух над лесом рассеялся, оживились утки на Яузе. Они плавали под мостом и кричали на людей, попрошайничая крошки; изумрудный селезень, с бешеной скоростью взмахивая крыльями и подымая тучу брызг, налетал на своего соперника...

– Только что встретил Костика, – сказал Игорь, возвращаясь с утренней пробежки, румяный и запыхавшийся, от толстого шерстяного свитера даже шел пар. – Звал нас к себе в гости. Пойдем?

– Вот так, просто? – удивилась Лара. Она еще ни разу не была у соседей и даже толком не общалась с ними – все как-то некогда было. Но Игорь на удивление быстро сошелся с Костей.

– Что-то вроде новоселья... – равнодушно сказал Игорь.

– О господи, надо же было заранее предупредить!

– Ларка, брось, к чему все эти церемонии...

– Без подарка на новоселье?!

Она ужасно разволновалась, хотела послать мужа в ближайший магазин, но тут же вспомнила, что в кладовой лежит новенькая чудо-швабра, еще не распечатанная из целлофана.

– Как ты думаешь, – обеспокоенно спросила она. – Швабра им подойдет?

– Что ж, вещь в хозяйстве нужная, – засмеялся Игорь.

Пока он плескался в душе и пил кофе, она придумывала себе наряд. Если она явится в вечернем платье, с макияжем, наложенным по всем правилам, будет смешно – приглашение соседей было каким-то скороспелым, будничным, ничего торжественного в нем не заключалось. Но идти в гости в домашнем свитере, с бледным скучным личиком тоже не очень-то прилично.

Она надела черные шелковые брючки, у которых был вполне домашний, но очень эффектный вид, черную простенькую водолазку, лишь слегка припудрила личико, а губы... Сначала она хотела воспользоваться бледной, светло-коричневой помадой, но не удержалась – на подзеркальнике, перед которым она прихорашивалась, лежал тюбик с новой помадой. Ярκο-вишневый цвет, цвет густой крови, легко лег на губы, Лара в один момент превратилась в роковую женщину-вамп.

– Класс! – произнес Игорь, заходя в комнату. – Это новая?

– Да, только вчера купила, не могу не обновить...

– Очень хорошо, только как мы теперь будем целоваться? – Он обнял ее, потерся щекой о ее плечи, даже замурлыкал...

– Она устойчивая, можно и целоваться, если, конечно, реклама не врет.

– Ну-ка я попробую...

– А когда нас ждут?

– Сейчас, наверное.

– Ладно, помаду потом тестировать будем, бери швабру...

Лара была не прочь поближе познакомиться с соседями. Она вообще была человеком очень общительным, легко сходилась с людьми, но сейчас что-то смутное тревожило ее. И только когда они уже звонили в соседнюю квартиру, поняла, что именно ее тревожило, – ей не нравилась Елена.

Костик сердечно похлопал по плечу Игоря, искренне восхитился шваброй. На Лару он произвел хорошее впечатление. Они уже сталкивались пару раз в лифте и успели перекинуться несколькими дежурными фразами, но сейчас он галантно поцеловал ей руку и произнес что-то витиевато-изысканное.

В большой комнате их ждала Елена. Она даже приподнялась, чтобы поприветствовать гостей, но потом тут же опустилась обратно в кресло, словно королева, которой мешает двигаться собственное величие.

– У вас очень мило! – воскликнула Лара, оглядывая комнату. – И обои какие замечательные!

– Елена выбирала, – важно пояснил Костик, – с художественной точки зрения... Идемте, я вам все покажу!

Он повел Лару с Игорем по всем комнатам, с воодушевлением объясняя, что и как они перделали, а что оставили нетронутым. Похвастался финской сантехникой и вдруг в коридоре наклонился к Лариному уху и шепнул заговорщицки:

– Ужасные обои, правда?

– Вовсе нет, мне кажется... – энергично запротестовала она, машинально тоже шепотом, но хозяин не дал ей договорить:

– Художественный вкус – это фикция.

Потом они сидели в комнате и пили вермут со льдом. К нему Елена подала фрукты и пирожные с кремом – все было просто, приятно и вкусно. Лара даже почувствовала к Елене некоторое уважение – пожалуй, она и сама устроила бы подобные посиделки, без излишних роскошеств с неизменным оливье и водкой, после которых наутро болит голова, в желудке остается тяжесть, а сердце терзает раскаяние.

– На той неделе заходите к нам, – сказал Игорь, бросая себе в бокал еще льда. – Нам тоже есть чем похвастаться.

– А диван... Как вам диван? – Костик даже подпрыгнул на нем. – Авторская работа! Внутри – синтепух.

Синтепух ничего не значил для Игоря, но он с уважением посмотрел на диван, довольно простой с виду, узнав, что тот авторский.

– Ты думаешь, он дорогой? – хихикнула Елена из своего кресла, очищая банан. – Мне он достался почти бесплатно, ведь автор – мой бывший однокурсник.

– Зато когда-нибудь лет через пятьдесят, на аукционе Сотби, этот авторский диванчик...

– Брось, Костик, это полосатое чудовище развалится лет через пять, потому что Крестовский работает только на ближайшее будущее. Даже в мебельной промышленности он не прославится, какой уж там Сотби... Крестовский – тот самый мой сокурсник, – пояснила Елена гостям.

– Неужели вас учили делать мебель? – простодушно удивилась Лара.

– О нет! Но если у человека нет таланта рисовать, писать картины, то куда ж ему еще податься? – важно произнесла хозяйка. По всему было видно, что себе она в таланте не отказывала.

– Лялька, ты бы показала что-нибудь свое, – попросил Костик жену и подмигнул при этом Ларе заговорщицки.

– Ах да... – Елена опять озабоченно приподнялась с кресла, но тут же вновь в него опустилась. – Ах, нет. Увы, дома почти ничего не осталось из того, что можно было бы показать, – через две недели выставка, я все увезла...

– Какая жалость, – серьезно сказала Лара.

– Лялька, а что у тебя там на мольберте стоит? – Костя вдруг вскочил и развернул мольберт, стоявший в углу.

– Костя, но это несерьезно... – поморщилась его жена. – Всего-навсего набросок, первое приближение...

Лара догадывалась, что наброски у художников – вещь очень условная. Она знала, что в любом деле задумка и конечный результат довольно далеки друг от друга, но она не подзревала, что до такой степени. То, что она увидела на белом толстом листе ватмана, припиленном к мольберту, сильно удивило ее. Это был не набросок и даже не рисунок, а какие-то размазанные по листу черные линии, хаос, в котором не заключалось и намека на искусство. Подобные корявые линии чертят совсем маленькие дети, неуклюже зажав в руке карандаш.

Лара невольно взглянула на Костика – теперь она поняла его. Вероятно, ее взгляд невольно отразил это, Костик пересел к ней поближе и принялся ловко чистить ананас, колючая шкурка лентой вилась в его руках.

– А вы ведь, я знаю, – с добродушной хитрецей в голосе произнес он, – тоже в некотором роде художник...

– Я? Я обычная парикмахерша. Делаю стрижки, завивки, мелирование и все такое, – снисходительно произнесла Лара. – Можно на «ты», кстати.

– А разве это не искусство? – с восторгом произнес Костя. – Мне кажется, куафюр близок к скульптуре, к тому же дизайну. Надо ведь разбираться и в цвете, и в линиях!

– Куафюр... – расхохоталась от души Лара. – Надо же, какое старомодное слово вы откопали!

– На «ты», мы же договорились на «ты»! Эх, под ананас хорошо бы шампанское. Лялька, у нас есть шампанское? Как там – ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний...

Игорь смеялся вместе со всеми, не отрывая взгляда от странного рисунка, который повернул к нему Костя. Сначала Игорю тоже показалось, что это и не рисунок даже, а какая-то нелепица, как будто художница просто произвольно водила углем по бумаге, пробуя его свойства, а не пытаясь что-то изобразить. Но потом ему показалось, что изломанные линии образуют... нечто.

– Писал я недавно статью, – рассказывал тем временем Константин, расхаживая вокруг стола. – Знаете, о чем? О счастье!

– Боже мой! Но о таком же невозможно писать! Счастье – это все равно как смысл жизни, его и не определишь даже... – удивилась Лара. – Или – кто виноват и что делать.

– Нет, есть, конечно, разные определения счастья, – возразила задумчиво Елена, – с философской точки зрения, с психологической, с социальной...

– О, у меня все гораздо проще – журнал молодежный, нужна какая-нибудь беллетристика плюс немного наукообразия. Господи, на самом деле все даже слишком просто: счастье – это когда тебе семнадцать лет, вся жизнь впереди, как белый чистый лист бумаги, что хочешь, можно на нем написать, гормоны в крови играют, есть силы влюбляться хоть каждый день! Нет, я, естественно, поэтизировал все это, но на самом деле истина тривиальна, груба.

– Костя, что же тогда получается? – с ужасом произнесла Лара. – Что только в юности можно быть счастливым? А нам что делать – людям, близким к зрелости? А пожилым? Стариков я и вовсе не упоминаю, гормоны у них только в таблетках, влюбляться они уже не могут, тем более каждый день. У них все мысли: лишь бы не было войны да пенсии бы до следующего месяца хватило...

– Ларочка, это очаровательно, – умиленно засмеялся Константин и чмокнул у нее ручку. – Но на самом деле вы... ох! На самом деле ты очень близка к истине.

– Истины нет, – холодно возразила Елена, – ты же сам об этом постоянно твердишь.

– К моей, к моей истине!

– Она у каждого своя?

– Да, у каждого. У каждого возраста, у каждой социальной группы, в разные времена...

А какой из этого можно сделать вывод?

– Строго индивидуальный подход? – усмехнулся Игорь, все еще продолжая машинально вглядываться в странный лабиринт линий, нарисованный Еленой.

– А вот и не угадал! – Костик обвел всех пылающим взором и сделал паузу для усиления эффекта. – Счастья нет!

– Я так и знала, – расстроилась Лара. – Я так и знала, что мы до чего-нибудь такого договоримся... Если ты вздумаешь сейчас доказать мне, что счастья нет, то я умру прямо вот на этом самом месте, на этом авторском диване!

– О боже, я не хотел пугать! Впрочем, вместо какого-то призрачного, эфемерного понятия я собираюсь предложить нечто большее. Вспомним классику – счастья нет, а есть покой и воля. Покой и воля!

– Логично, – пробормотала Елена, снисходительно глядя на своего мужа. – Костик, я тебя умоляю, не морочь людям голову.

– Нет-нет, это очень интересно! – вдруг с жаром возразила Лара. Ей действительно стало интересно – в первый раз она задумалась о том, что есть счастье. «Эфемерное», как выразился ее новый сосед, ощущение давно жило в ней, она не сомневалась, что счастлива, но от чего именно у нее выросли крылья за спиной, она не вполне осознавала. Для нее смысл жизни заключался в любви, в Игоре, в новой квартире, работе, здоровье, красоте, в желании и возможности иметь детей... Больше всего, пожалуй, в любви. Но при чем тут покой и воля?

– Деньги и свобода выбора, – торжественно возгласил Константин. – На деньги мы покупаем покой...

– Круиз вокруг света на роскошном теплоходе, – с улыбкой вставил Игорь.

– Главное, чтобы это был не «Титаник»! – фыркнула Елена.

– А свобода выбора – это свобода от страстей. От всяких страстей, – закончил свою мысль журналист. – Свободный человек может делать что угодно, не подвергая себя риску саморазрушения.

Все вдруг разом замолчали, пытаясь понять сказанное Константином. И только спустя несколько мгновений Лара с удивлением спросила:

– А любовь?

– Так она же и есть то, что мешает быть человеку счастливым! – с восторгом возопил тот – всклоченный, румяный, разбрызгивая из бокала вермут. – Любовь – это оковы, это несчастье!

– Костик, ты меня любишь? – лениво спросила Елена.

– Да, – не задумываясь, бросил тот.

– Значит, ты несчастен?

– Я болен. Любовь – это болезнь. – Он упал перед женой на колени и, изображая собачку, стал кланяться у нее из рук виноград. – Сейчас я вам расскажу свою следующую теорию...

– Костик, ты просто демагог! – захохотала Елена, бросая ему в рот виноградинки. Лара тоже от души смеялась, а Игорь вдруг подумал, что разговор о счастье действительно бессмысленный: человеку ничего не надо, только покой и воля.

– Может быть, поговорим еще о творчестве? – предложил он, когда все наконец отсмеялись. – Что за выставка у тебя будет, Елена?

– Да, правда, я бы сходила... Обожаю ходить в музеи, на выставки! – горячо поддержала его Лара.

– Через две недели, недалеко от «Парка культуры»... Приходите.

– В Доме современного искусства? Обязательно!

– Да, если есть желание, можете купить какую-нибудь из картин, – великодушно предложил Костя. – «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать...» Быть в наше время творческим человеком довольно выгодно, на любой товар всегда найдется купец.

– О да! – кивнула Елена. – Костик, еще бутылочку открой...

– Уж такой купец... – надул щеки хозяин, вероятно, изображая купца. – Федор Терещенко, один из владельцев нефтеперерабатывающей компании!

– Ой, а я знаю! – обрадовалась Лара. – Я про него где-то читала, в «Коммерсанте», кажется... Только не помню, о чем конкретно там было.

– Он – меценат. Ну, за искусство! – пояснил Константин. Чокаясь, все опять расхохотались.

– Так этот Терещенко – твой поклонник?

– Поклонник моего творчества, – поправила Лару Елена. – Покупает у меня постоянно. Что-то ему нравится в моих картинах...

– И ведь хорошо платит! – упоенно подтвердил Костик. – Вот, посмотрите, – он обвел вокруг себя рукой, – все это заработано непосильным трудом Елены! На прошлой выставке Терещенко купил у нее целую коллекцию картин, которые развесил в своем офисе. И, кажется, еще хочет что-то заказать.

– Костя! – одернула недовольно мужа Елена, лениво потягиваясь, словно кошка. – Труд у меня вовсе не непосильный. И потом – мы же вдвоем все это покупали, фифти-фифти, так сказать...

– Станцуем? – вдруг предложил хозяин, уже ошалевший от выпитого, и включил музыкальный центр. – Ларочка, прошу...

Лара не любила ломаться – это было не в ее характере, да и потанцевать она была не прочь. Взяв протянутую Костином руку, она легко встала, улыбнулась мужу – дескать, не возражай, милый, раз просят, отказать не могу – и под бурную латиноамериканскую мелодию стала танцевать. Игорь и не думал возражать – ответил жене улыбкой и даже принялся хлопать в такт музыке. Ему и в голову не пришло, что Елену тоже можно пригласить, – она так основательно и уютно сидела в своем кресле, что, казалось, никакая сила ее оттуда не выманит.

Костик больше дурачился, чем танцевал. От природы он был неуклюж да и великоват. И, видимо, с давних пор в нем сидела боязнь нечаянно уронить что-нибудь или сломать, поэтому он просто топтался и припрыгивал на одном месте, как медведь в цирке. Но с его лица не сходила блаженная и веселая улыбка – он был сейчас, вопреки всем своим теориям, воплощением счастья. Рядом с ним Лара не казалась такой уж высокой. Зато она танцевала по-настоящему, ее грация и легкость контрастировали с неуклюжими движениями партнера.

Она была так проста и мила, что Игорь не мог не восхититься ею – и продолжал самозабвенно хлопать в ладоши. Черный шелк расклешенных книзу брюк крутился вокруг тонких и сильных Лариных лодыжек, спина была пряма, как у балерины, черные блестящие волосы острыми углами обрамляли щеки – Лара была похожа на ласточку, стремительная и очень женственная, ею нельзя было не любоваться. Вероятно, Костик, топчась перед ней, ощущал то же самое – выражение безудержного счастья на его лице усилилось и стало граничить с идиотиз-

мом. Игорь засмеялся, встретился глазами с Еленой и указал на танцующую парочку – мол, славно они пляшут! – и Елена кивнула ему в ответ.

Елена была милой девушкой, и от нее тоже, наверное, можно было потерять голову. Очень невысокая, что называется деликатным словом – миниатюрная, тонкокостная, статью своей скорее напоминающая подростка, с тонкими, необыкновенно длинными пальцами, узким личиком и остреньким, чуть горбатым носиком, который придавал ее облику особую пикантность. Волосы у нее светлые, негустые, но очень пушистые, она забирала их в смешной пучок. Но самыми замечательными у нее были глаза – большие, ярко-голубые, обрамленные длинными, тоже очень пушистыми светлыми ресницами. Да, безусловно, было в ней что-то особенное. Она, по выражению одной писательницы, была как подернутый нежнейшей плесенью сыр «камамбер» – со своим специфическим кругом любителей. Но на фоне ослепительной Лары Елена выглядела просто серой мышкой, тем более что в этот вечер облачилась в какой-то бесформенный трикотажный костюм серо-голубого цвета.

Игорь только скользнул по соседке рассеяннo-доброжелательным взглядом и продолжил любоваться Ларой.

Мелодия закончилась. Костик с чувством чмокнул у Лары ручку и принялся раскупоривать новую бутылку – настроение у всех было необыкновенно приподнятое, разговор то и дело перебивался смехом. Костик вдруг начал вспоминать анекдоты и долго не мог остановиться.

Они разошлись только поздним вечером. Лара едва держалась на ногах от смеха и от выпитого – она не была пьяна, но хмель бродил у нее в крови, все происходящее казалось ей немного нереальным.

– Как замечательно, – пробормотала она, вернувшись в свою квартиру и бесцельно бродя по комнатам. Спать ей не хотелось, а начинать какое-то дело столь поздно было бессмысленно. – Как все замечательно. Гарик, я тоже хочу авторский диван!

Игорь в это время курил на балконе, прохладный бодрящий воздух щекотал ему лицо.

– Как тебе Константин? – крикнул он в сторону комнаты.

– Н-ничего, н-ничего...

– Он классный парень, – уверенно произнес Игорь и тут же расхохотался, вспомнив что-то. – Классный, но такой дурной иногда!

– Правда, очень забавный, – послушно согласилась Лара, выходя на балкон. – Тебе не холодно? А Елена вызывает у меня какую-то смутную антипатию.

– Ну... она человек творческий, ее трудно понять, – великодушно сказал Игорь. – Может быть, когда-нибудь потом...

– Творческий? – Лара скептически передернула плечами. – Нет, все-таки здесь холодно... Ты видел ее творчество?

– Ты имеешь в виду тот рисунок? Но это лишь набросок, по нему трудно судить!

– Кошмар!

– А как же Пикассо, Матисс? Мы можем не понимать...

– Кошмар! – упрямо возразила Лара. – Это даже не искусство. На заборах и то лучше рисуют.

– Ты знаешь, а я что-то такое увидел в ее рисунке, и мне показалось... – задумчиво начал Игорь, но жена не дала ему договорить – сгребла его в охапку, поцеловала в губы. – Какие горькие сигареты! – воскликнула Лара. – Мне холодно, я не могу тут стоять! – И она убежала обратно в комнату.

Игорь еще долго оставался на балконе в полной темноте. Едва слышно, перестукивая колесами, мчалась где-то вдали электричка, горели внизу фонари, лес напротив стоял черной стеной. Было хорошо и почему-то жутко – Игорь в первый раз прочувствовал, что такое окраина, и, хотя до Москвы всего двадцать минут езды, ему показалось, что он очутился на другом конце света.

...Нарисованные углем линии скручивались в спираль, уводили куда-то на глубину – это было похоже на стремительное падение в бездну, у которой нет дна. Какой-то виртуальный лабиринт, из которого уже не выбраться, потому что компьютер стал сильнее человеческого разума и полностью поглотил его. Страшный сон человек инстинктивно забывает, проснувшись, ибо срабатывает чувство самосохранения, но Елене удалось поймать зыбкий миг между сном и реальностью и запечатлеть его на бумаге...

Пепел медленно подобрался к фильтру и упал на пол, но Игорь этого не заметил, продолжая смотреть в темноту, которая засасывала его. Ему было хорошо и страшно одновременно, алкоголь еще продолжал действовать. «Да, Костя классный мужик, и надо сходить на выставку этой, как ее...» Обрывки мыслей путались и тоже завивались в спираль.

– Гарик! – позвала Лара.

Он вздрогнул, очнулся, выбросил дотлевшую сигарету.

– Ты удивительная женщина, – сказал он жене, ложась в постель рядом с ней. – Мы с тобой вместе столько лет, а ты не только мне не надоела...

– Спасибо, милый.

– ...А даже как будто стала еще желаннее, еще интереснее. Я тебя люблю.

– И я тебя! – засмеялась Лара.

После, засыпая, он подумал о том, как странно все получается: обычно в нашем разобщенном мире все вечно куда-то торопятся, а соседи частенько друг про друга ничего не знают, даже если двадцать лет живут через стенку, на одной лестничной площадке, но они вот сразу познакомились с Еленой и Костиком. И не просто познакомились, а даже как будто подружились. «Наверное, это оттого, что мы подходим по возрасту, да и интересы у нас сейчас общие, как у всех новоселов. А кто были нашими соседями на старой квартире? Какая-то старуха с мопсом, она даже не здоровалась с нами никогда, ее вечно пьяный сын, лысый бессмысленный дядька. С ним и поговорить-то было не о чем, он только вечно десятки «стрелял», кстати, так и не отдал ни одной...».

Лара возвращалась домой рано, она ехала в электричке в прекрасном настроении. Вообще, какого-либо другого настроения, кроме хорошего, у нее почти никогда и не бывало, но сегодня было что-то особенное...

Во-первых, она обнаружила, что электричка уже не вызывает в ней прежнего отвращения и брезгливости – она научилась различать вполне приличные рейсы, в которых почти никогда не случалось неприятностей. Неприятностями она считала переполненный вагон, толпу неизвестно откуда взявшихся цыган, подвыпивших приставучих субъектов, пахучих деревенских жителей и прочее, что не может доставить удовольствие молодой красивой женщине, спешащей на работу или после нее домой. Итак, она ехала на одной из тех электричек, где все выглядело вполне пристойно и даже имелась масса свободных мест, сидела у окна и любовалась проносившимся мимо пейзажем.

Во-вторых, погода радовала. Середина апреля, а тепло, как летом – больше двадцати градусов, повсюду уже распустилась молодая листва. В-третьих, на ней была новая темносиняя атласная рубашка, которая необыкновенно ей шла – о чем говорили и взгляды прохожих сегодня в городе, и тяжкий вздох Геллы, подруги и коллеги, которая при виде Лары в новой блузе начала опять рассуждать о новой диете и о том, что тоже видела в магазине красивую рубашку, и что она, Гелла, непременно должна ее купить. Узкая черная юбка с высоким разрезом, к которой Лара надела обновку, уже не новая – она носила ее с прошлого года, но с удовольствием, – а также забавные итальянские туфельки на высоченной шпильке завершали наряд. Словом, если женщина хорошо одета, у нее всегда прекрасное настроение.

Лара вышла на своей остановке и, уверенно цокая каблуками, шла по платформе, легкая улыбка витала у нее в уголках губ. Все же она была права, что настояла на покупке квартиры

именно здесь, что сумела разглядеть тогда, в мрачном зимнем пейзаже, чудесную картинку расцветающей весны.

И тут впереди она увидела знакомую фигуру. Лохматый, огромный, в пестром свитере и экстремального вида ботинках, Константин был, что называется, воплощением творческой личности. Ибо только человек, вечно витающий в высоких сферах, может позволить себе такой беспорядок в одежде.

– Костя! – радостно крикнула Лара.

Тот вздрогнул, обернулся, в глазах мелькнуло изумление.

– Все не могу привыкнуть к тебе, Лариса. К тому, как ты выглядишь, – сказал он, подбегая к ней.

– Домой? И как же это так я выгляжу?

– Да, ушел сегодня с работы пораньше... Лара, ты прекрасна. Да, как Елена Прекрасная, а я каждый раз чувствую себя Парисом...

– Кажется, Еленой зовут твою жену! – засмеялась Лара.

– Да уж... Я и забыл, черт возьми! – Костик буквально поедал Лару глазами, но его чрезмерное восхищение не угнетало ее, она чувствовала, что такова натура ее нового соседа – он ничего не делает вполсилы, и если уж расточает комплименты, то от всей души.

– Мы тогда провели замечательный вечер, – ласково произнесла Лара. – И мне, и Игорю очень понравилось у вас. В ближайшие выходные ждем вас с Леной к себе.

– С Еленой, – поправил Костя. – Она терпеть не может, если ее называют как-то по-другому.

– Ах, пардон, я все время забываю...

– Ты еще извиняешься! – возмутился тот. – Я и не думал поправлять тебя, просто хотел пожаловаться на свою дражайшую половину, на ее странности и капризы. Вот, например, когда я называю ее Лялькой...

– Костя, не надо, – мягко остановила его Лара.

– Нет, ты меня извини! – воскликнул он, вдруг схватив ее руку и поцеловав ее. Лара сделала вид, что ничего не произошло, но на всякий случай убрала руки подальше. Влажный горячий поцелуй почему-то обжег кожу. – Но к вам в гости мы отправимся в другой раз.

– Что ж, очень жаль... – сдержанно произнесла она.

– Ларочка, ты меня не поняла, – Костя улыбнулся хитро, – в следующие выходные мы едем на дачу. Елена за рулем, а мы...

– Вы нас приглашаете?

– И очень настойчиво... – Он опять сделал попытку завладеть Лариной рукой, но та его остановила:

– Не знаю, может быть, Игорь не захочет никуда ехать.

– Он? Не захочет? – изумился Костик. – Все, Игоря я беру на себя, дело в шляпе...

– А далеко ли дача?

– По нашему направлению час езды на электричке, а на машине еще быстрее.

– Почему Елена за рулем? Разве ты не водишь?

– Нет, вожу, но просто я хочу расслабиться – коньячок, винцо и все такое...

– Это будет за нами, с вас только дача и машина.

– Господи, а погода-то какая! – пропел Костя фальцетом, закатывая глаза.

Лара почувствовала, что совершенно не может на него сердиться из-за его постоянных попыток поцеловать ей руки. Очень уж забавен и добродушен. По правде говоря, мысль провести выходные где-нибудь на природе вдохновила ее. Она подумала, что это гораздо интереснее, чем устраивать посиделки в квартире, погода на самом деле была чудесной.

– Да, – согласилась она. – Надо ловить золотые денечки. Говорят, май будет очень холодный.

– Лара, ты где работаешь? Географически, в каком месте?

Она сказала где, но не удержалась и спросила:

– А зачем тебе?

– Как – зачем? – удивился Костя. – Я хочу подстричься у тебя.

– Но я не занимаюсь мужскими стрижками, – покачала она головой. – Не та специализация...

– А Игорь говорил, что ты его...

– Игорь – другое дело, – важно произнесла Лара.

– Везет ему, – тоном обиженного ребенка произнес Костя. – А я вот как неприкаянный...

Так, болтая ни о чем и обо всем на свете, они дошли до дома. Башня из красного кирпича горела золотом в солнечном свете, во дворе уже стояли машины, играли дети в стихийно возникнувшем дворике, строительный мусор куда-то исчез – место приобрело вполне обжитой вид.

– Кажется, весь подъезд уже заселили, – задумчиво произнесла Лара. – Новая жизнь... Нет, обновленная старая жизнь.

– Может быть, совсем новая, – возразил Костя, открывая перед ней дверь. – Во всем городе, во всем мире ветер перемен. Что-то должно случиться, разве ты не чувствуешь?

– Надеюсь, только хорошее.

В маленьком лифте они ехали, стоя совсем рядом, тесно прижавшись друг к другу. Костик нависал над Ларой, как медведь, вставший на дыбы, она улыбалась и отворачивалась от его пристального, умиленного взгляда, направленного сверху вниз.

– Что ж, до встречи, – махнула она рукой, поворачивая к своей двери.

– До скорой встречи! – пылко произнес сосед.

Дома привычные хлопоты навалились на нее, но смутная улыбка не сходила с Лариных губ. Кажется, она очень нравилась Костику. Но Лара нравилась всем, недоброжелателей у нее не было. И она это прекрасно знала.

Она вдруг вспомнила свою мать, которая настоящими мужчинами считала только мужчин Костиных размеров, за которыми в буквальном смысле можно было спрятаться, как за каменной стеной. Хотя самой Анне Георгиевне, Лариной матери, фантастически не везло – все три ее мужа были мелкими, даже можно сказать – замухрышками. К тому же и здоровьем особым они не отличались – Анна Георгиевна, так распорядилась судьба, стала трехкратной вдовой. Она, собственно, и пилила дочь из-за того, что боялась, как бы та не повторила ее судьбу. И хотя Игорь не был замухрышкой, а с возрастом и вовсе приобрел некоторую солидность, она считала его мальчишкой. «Ну что за дела такие! – ворчала она при каждом удобном случае. – Вы с ним одного роста, куда это годится!»

Лара только смеялась в ответ, она не любила чужих советов, пусть даже высказанных от всего сердца: «А ты, мама, куда ты смотрела целых три раза!» Анна Георгиевна была могучей женщиной, из числа тех, кто коня на скаку остановят. Сама, без чужой помощи, она двигала у себя дома тяжелую, цельного дерева, мебель. Лара подозревала, что не без помощи Анны Георгиевны все трое ее мужей отправились на тот свет. В переносном, конечно, смысле – женщиной она была гневливой, с очень жестким характером, одним взглядом своих черных глаз могла, казалось, убить. «Так это судьба у меня такая!» – с фатализмом пожилой женщины отвечала она дочери. «Мама, а моя судьба – Игорь», – каждый раз одной фразой откликалась Лара.

Впрочем, она была уверена, что не только из-за внешних данных ее матери не нравится зять. Анне Георгиевне с ее сибирской, казачьей прямоотой претили легкомысленный инфантилизм Игоря, его некомпетентность в быту. Даже его нескрываемая нежность к Ларе ее мать считала обычным слюнтяйством.

«Обожаю тебя!» – прошептала Лара, разбирая в шкафу рубашки Игоря. Она всегда с нетерпением ждала возвращения домой мужа, но сегодня из головы все не шел Костя. Навер-

ное, матери он бы понравился. «Настоящий мужик» – вот как сказала бы она. «Фу, как глупо!» – с отвращением прошептала Лара, словно споря с матерью.

В выходные весна достигла своего апогея – все цвело и распускалось. Игорь с энтузиазмом воспринял предложение Кости провести время на природе.

– Да, это хорошая мысль, – сказал он Ларе. – А то когда бы мы еще выбрались! Замечательные ребята, – он имел в виду новых соседей.

– А к маме ты не поехал бы, – не удержавшись, подколола его Лара. У Анны Георгиевны имелась замечательная дача, где сад и огород плодоносили с необыкновенной силой, и от них кормилась куча родственников Анны Георгиевны и Лары.

– Ну, твоя мама... – скучно протянул Игорь. – У нее не дача, а сельскохозяйственные угодья, где можно только работать, а не отдыхать. Даже не работать, а вкалывать, если говорить точнее.

В субботу утром они вчетвером отправились в путь. Игорь немного проспал, но Лара не сердилась на него – конечно, когда еще выпастся человеку, как не в выходные. Молча лежала она рядом со спящим мужем и любовалась его лицом – тонким, вдохновенным, как будто в своих грезах он сочинял стихи.

Они набрали с собой огромную сумку снеди – как-никак была их очередь угощать. Но Елена с Костиком тоже оказались не промах.

– О боже! – ужаснулась Лара, когда они с трудом запихали весь провиант в новенький «жигуленок» соседей. Свертки и бутылки были везде – и в багажнике, и в салоне, и еще пару пакетов пришлось взять на колени. – Не чересчур ли?

– Ничего! – философски произнесла Елена. – На свежем воздухе всегда хороший аппетит.

Но соседка меньше всего напоминала человека, склонного набить желудок, пусть даже на свежем воздухе. Тоненькая, с бледным анемичным личиком, она казалась ребенком, по недоразумению или по недосмотру родителей оказавшимся за рулем. Сегодня она оделась в светло-голубой дорожный костюм, в тон глазам.

– Да, всегда! – энергично поддакнул жене Костя. Он сидел на переднем сиденье и, развернувшись, счастливо глазел на соседей, примостившихся среди пакетов на заднем сиденье, в основном – на Лару, опять всю в черном, да еще и в черных очках. Сквозь стекла не было видно, куда направлен ее взгляд, и Костику казалось, что он глазеет на Лару совершенно незаметно для нее самой и для всех остальных. Лара едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться, так наивно и прилипчиво было Костино внимание. – Что, Лялька, поехали?

В ответ та фыркнула и нажала на газ.

– Она немного не в настроении, – меланхолично объяснил Костя состояние жены. – Конечно, все будут пить, а она в гордом трезвом одиночестве, поскольку за рулем... Послушайте, у меня гениальная идея – может быть, останемся там на ночь, тогда и Елена сможет ни в чем себе не отказывать?

– Посмотрим, – сдержанно ответила Лара. До этого момента будущая поездка казалась ей прекрасной идеей, но при виде Елены ей опять стало как-то не по себе. Лара посмотрела на Игоря – тот безмятежно улыбался, и, похоже, его ничто не волновало.

Скоро машина свернула на проселочную дорогу и понеслась по лесу. Костик своим низким, но звонким голосом напевал старинный романс, то и дело оглядываясь назад...

Дача оказалась большим добротным домом, обнесенным крепким забором. Трепетал на легком весеннем ветерке сад, вишневые и яблоневые деревья готовились вот-вот распуститься.

– Да-а, – мечтательно произнесла Лара, прохаживаясь по дорожкам, пока мужчины разгружали машину. – Настоящая усадьба! Стоило ли покупать квартиру в пригороде, когда есть такая дача...

– Стоило! – крикнул ей Костя. – Зимой здесь совершенная пустыня, можно с ума сойти от тоски. Кстати, хоромы достались мне от деда. А родители превратили это чудесное место в полный бедлам. Здесь одно время жил один известный диссидент. Старая история...

– Тоскуешь по прежним временам? – насмешливо спросил его Игорь.

– Тоскую! – развел руками Костя. – Помните, как хорошо тогда было – народ жил спокойно, не рефлексируя. Мозги у всех оставались совершенно чистыми, можно сказать – девственными, за всех думал товарищ генеральный секретарь...

– Дарахия друзья, позвольте поздравить вас с открытием дачного сезона, – начал Игорь, пародируя брежневские интонации, – и отметить это событие распитием спиртных напитков... У нас столько пива! Кстати, на свежем воздухе действительно разыгрался аппетит.

– Да, со страшной силой! – энергично поддержал его Костик.

Все засмеялись. Моментально был организован стол, Елена достала из кладовки запылившийся старый мангал.

– Остальным пусть занимаются мужчины, – задумчиво произнесла она. – Разводить огонь – не женское дело.

В дом заходить она не стала, а легла на низенькой скамейке возле веранды лицом вниз и принялась разглядывать землю перед собой, из которой пробивалась зеленая травка, как будто ничего интереснее на свете не было. Игорь гулял по саду, задумчиво покусывая какую-то веточку.

– Идем, я покажу тебе дом, – подошел к Ларе Константин.

– Идем, – согласилась она.

Полупустые комнаты со старой плетеной мебелью, везде пыль, запах холодного, нежилого помещения. В мутном позеленевшем зеркале Лара увидела свое отражение – высокая девушка в черном, словно таинственная дама пик, которая возникла во время рождественского гадания.

– Как тебе? – гордо спросил Костя.

– Неплохо, только пыли многовато...

– Это не проблема. Идем дальше, – он повел ее в дальнюю комнату, где стояли широкая тахта и пара раскладушек в углу. – Видишь, здесь вполне можно переночевать.

– Костя, я не знаю... – нерешительно начала она. Он стоял перед ней, большой, с блестящими, оживленными глазами, ловя каждое ее слово, готовый выполнить, кажется, любую ее прихоть. – Я очень не люблю ночевать в чужом месте.

– Я тебе так неприятен? – вдруг тихо спросил он.

– Что ты! – удивилась Лара. – Что за странный вопрос, я же говорю...

Повисла пауза – очень недолгая, в пыльной холодной тишине, лишь из-за пожелтевших стекол смутно доносилось птичье щебетанье. Яблоневые ветви, качаясь на ветру, бросали длинные перекрещивающиеся тени на деревянный пол, и Лара почувствовала себя здесь точно в могильном склепе, словно жизнь осталась там, за порогом дома. Он сделал шаг ей навстречу, что-то мелькнуло в его глазах, дрогнули губы – и в ту же секунду Лара поняла, что он хочет ее поцеловать.

– Тихо! – сказала она, подняв палец. – Кажется, нас зовут.

Она сделала вид, что ничего не произошло. А ведь правда, в самом деле ничего не произошло! Как будто и не было того странного мгновения, когда они стояли друг перед другом и что-то холодное, жестокое вдруг дохнуло на них, чуть не заставив их броситься друг другу в объятия.

Игорь во дворе пытался развести огонь в мангале, но у него ничего не получалось.

– Костя, спирт есть? – крикнул он.

– Минуту...

В саду, под солнцем, было так хорошо, такое нежное тепло шло от земли, что Ларе все произошедшее в доме показалось ерундой. Она так и сказала себе, садясь на лавку рядом с Еленой: «Мне показалось...»

– Елена, ты что разглядываешь?

Елена, продолжая лежать на животе, подперев голову ладонями, задумчиво ответила:

– Здесь песок, щепки, трава. Я вот думаю...

– Рисовать ей хочется! – весело крикнул Костя. – Я ее знаю, у нее манера такая – смотрит-смотрит, а потом как начнет рисовать! Лялька, может быть, не здесь и не сейчас?

– Но я только смотрю, – лениво откликнулась та. – Скоро будем есть?

– Шашлык не скоро, но все остальное уже давно на столе.

Лара ничего не сказала, хотя ей показалось очень странным занятие Елены. Ха, разглядывать землю под ногами... Какой смысл рисовать песок и щепки, разве могут они вызывать вдохновение?

Потом они сидели за деревянным столом на веранде и закусывали чем бог послал в ожидании шашлыка. А бог послал очень много всего. Костик ел с таким аппетитом, что Елена тихонько хихикала, глядя на него. Лара выпила бутылку крепкого темного пива, и теперь уже ничто не смущало ее, о странном эпизоде в доме она позабыла.

– Что, Костя, как жизнь творческая, богемная? – заговорил Игорь, разглядывая на свет стакан. Он очень любил пиво.

– Да-а! – махнул рукой Костя. – Какая в нашей редакции богема! Кропаем себе потихоньку статейки для молодежи, кто с большим вдохновением, кто с меньшим, в зависимости от темы. А богема у нас Лялька!

Все посмотрели на Елену, которая в этот момент мизинцем аккуратно вычищала соус из маленькой коробочки. Она почти ничего не ела, лишь соус и удостоился ее благосклонного внимания. Елена колдовала над баночкой так прилежно, с таким наивным детским старанием, таким простодушием светились ее прелестные голубые глаза, что Игорь почувствовал нечто вроде беспокойства за худенькую женщину.

– Господи, человек одним соусом питается! – с нарочитым испугом воскликнул он. – Костя, посмотри, скоро ли мясо...

– Я ненавижу слово «богема». И всю богему тоже ненавижу, – вдруг произнесла Елена. – Я человек простой и занимаюсь делом и всякую напыщенность терпеть не могу.

– Лялька, а как же твои друзья?

– В последний раз ты называешь меня Лялькой, у меня сил больше нет! Кстати, не все мои друзья такие. Знаете, я заметила, – неожиданно сменила она тему, – чем больше человек пьет и выпендривается, тем меньше у него таланта.

– Что значит выпендривается? – спросила Лара. – Нет, я понимаю, что ты, Елена, имеешь в виду, но я почему-то думала раньше, что яркая личность и в жизни будет вести себя неординарно. Перформансы всякие...

– По-моему, Елене надо налить, – предложил Игорь. – Чтобы она не доказывала нам, насколько талантлива. Я и без того ей верю. Останемся, а? – и он выжидающе взглянул на жену.

Костя тоже не отрывал от Лары умоляющего взгляда. Лара вздохнула, но ответить ничего не успела – Елена схватила со стола маленькую фляжку, в которой у Игоря был коньяк, и поднесла к губам.

– Поздно! – с отчаянным весельем воскликнула она, сделав глоток. – Остаемся, Лара. Вы из меня веревки вьете...

– Вот, а говорила, что не любишь выпендриваться, – с удовольствием произнес Костя. – Вот вам, граждане, перформанс в чистом виде!

– Браво! – заорал Игорь.

И с этого момента веселье пошло полным ходом – они уже вчетвером хохотали, шутили. После того как Елена сделала над собой усилие и решила, что называется, слиться с компанией, все пошло очень непринужденно, весело, по-дружески. И Лара перестала думать о том, правильно ли они сделали, оставшись здесь.

– Не пей вина, Гертруда, пьянство не красит дам... – басом пел Игорь, распугивая птиц, засевших в кустарнике.

Ближе к вечеру стало еще теплее. Костя вынес из дома ракетки с воланчиком, и все принялись играть в бадминтон. Сначала сражались парами, друг против друга, потом Елене надоело прыгать, и она куда-то исчезла. Затем Игорь ушел допивать пиво, и на широкой дорожке перед домом остались Лара с Костиком – они прыгали за воланчиком, стараясь играть по-настоящему, а его все сносило ветром в сад.

Лара скинула куртку и осталась в открытой черной майке, но холодно ей не было. Она визжала и смеялась, забыв обо всем на свете, физическое движение приносило ей радость.

А Игорь тем временем решил позагорать. Он лег на ту лавку, на которой до того лежала Елена, прикрыл глаза ладонью и постепенно, осоловев от жары и пива, начал впадать в дрему.

Когда он очнулся, солнце уже клонилось к горизонту, стояла абсолютная, глубокая тишина, которая бывает только на природе, когда на сто верст вокруг никого нет. Игорь вздрогнул, приподнялся на локте – никого. Он обошел дом и там, на заднем дворе, увидел Елену. Она лежала на короткой, нежной, словно подшерсток, траве и что-то увлеченно рисовала.

– А где все? – спросил Игорь, подходя ближе.

– Ушли на речку, – задумчиво ответила Елена, даже не повернув головы. – У нас тут недалеко речка течет. Этот псих решил искупаться.

– И Лара? – испугался Игорь. – По-моему, еще рано купаться.

– Я тоже так сказала, – рассудительно кивнула головой соседка. – Лара-то его останавливала. Не знаю, получится ли у нее...

– А я что?

– А ты спал. – Она повернулась, окинула его насмешливым взглядом и опять уткнулась в свой рисунок.

– Что ты рисуешь? Можно взглянуть? – Он сел на траву рядом с ней.

– Так, ерунда всякая... От скуки.

На обычном желтоватом картоне был изображен кусочек земли – песок, трава, щепки, старый прошлогодний лист, какие-то камешки... Елена легко управилась с передачей цвета и формы, используя лишь простой карандаш. Рисунок был фотографической точности – прожилки на листе, тени от травы, шероховатость камней.

– Как интересно! – с любопытством произнес Игорь.

– Чего уж там! – явно кокетничая, важно произнесла Елена. – Я весь участок обошла, чтобы найти подходящую натуру. Чтобы все было естественно и вместе с тем...

– А почему не пейзаж, почему не портрет? Вон там, вдали, такой чудесный вид открывается... – Он махнул рукой в сторону.

Елена посмотрела на него, как на сумасшедшего.

– А это что, не пейзаж? – с обидой спросила она.

– Ну, в общем... Нет, все здорово, хотя, конечно, я дилетант в искусстве. Но ты выбрала крошечный кусочек земли, который можно разглядеть, лишь присев на корточки. Какой в нем смысл? Я очень боюсь тебя обидеть... – торопливо произнес он, – только...

– Только что?

– Похоже, что и не человек рисовал, не для человека перспектива... Будто маленький муравей забрался вон на ту кочку и нарисовал пейзаж, панораму, которая открывается перед ним каждое утро, когда он выползает из своей норки. Вот, тут как раз трухлявое бревно, по нему муравьишки бегают.

– Забавно, – сказала Елена тоненьким голосом, – но я не обижаюсь.

Она равнодушно отбросила кусок картона в сторону, положила огрызок карандаша в карман своих светлых брюк.

– Пойдем искать наших. Может, Косте нужна помощь.

– А... а рисунок?

– Да бог с ним, у меня такого добра... Муравьишка к себе в норку затащит, повесит куда-нибудь на стену. Для него это будет что-то типа Бородинской панорамы...

– Пойдем, – согласился Игорь, но по дороге пару раз оглянулся назад, на то место, где в траве остался лежать кусок желтоватого картона с изображением прошлогоднего листочка. Кажется, дубового. Или нет, от клена, просто у листочка за зиму обломались края. Уже трудно определить...

Они вышли из боковой калитки и стали спускаться вниз по склону.

– Здесь надо осторожнее, – сказала Елена, балансируя в воздухе руками. – Весенние ручьи размыли дорогу, очень крутой спуск.

– Давай руку! – крикнул Игорь. Маленькая жесткая ладошка вцепилась в его плечо, и опять жалость теплой волной обдала сердце Игоря – господи, такая маленькая, хрупкая, нельзя ее обижать... Но стоило ему взглянуть Елене в лицо, как жалость моментально исчезла. – Если бежать, то получится быстрее и безопаснее!

– Не боишься? – нахально спросила она, шуря голубые глаза в светлых длинных ресницах. В ее словах, во взгляде звучали вызов, пренебрежение к опасности.

– За тебя!

– А я не боюсь, – тем же тоненьким голоском ответила она и вдруг выпустила его руку. – Костя-а-а...

– Сумасшедшая! – ахнул Игорь и побежал вслед за ней. – И черт меня дернул... Шею свернешь! Стой!

Глинистая, скользкая дорога, влажная молодая трава только ускоряли бег, остановиться было уже невозможно.

– Лена, подожди...

– Я не Лена. Я – Елена!

«Ненормальная! – с ужасом и раздражением подумал Игорь. Ноги несли его по склону против воли. – Как глупо будет свалиться здесь, перепачкаться, заработать какое-нибудь растяжение...»

Впереди росла тоненькая, хлипкая березка – он оттолкнулся от земли, рванулся в сторону и схватился за влажный гибкий ствол. Тот согнулся, но выдержал его тяжесть. Елена стояла уже внизу и хохотала, глядя, как он обнимается с деревцем.

– А я первая! – злорадно крикнула она.

Теперь, когда скорость спуска была замедлена, Игорь довольно ловко преодолел последние несколько метров.

– Ты их видишь? – задыхаясь от бега, спросил он. – Ах, вот она, ваша чертова речка...

Прекрасный вид открывался перед ними – изгибаясь, текла подмосковная речушка. Посреди живописных зарослей высокая ива, только-только распустившаяся, клонила свои ветви к воде, на другом берегу виднелись уютные домики. Рыбак в высоких сапогах, закинув удочку, меланхолично смотрел на поплавок...

Костя в широких семейных трусах (белый горошек по синему фону, символ отечественного экстремизма) важно расхаживал по мелководью с бутылкой пива в руке и, судя по всему, выискивал место поглубже, собираясь нырнуть.

– Холодно, вылезай! – отчаянно кричала ему с берега Лара. – Костя, ты утонешь...

– Я прекрасно плаваю! – завопил тот в ответ. – У меня первый юношеский разряд по плаванию.

Рыбак на противоположном берегу покрутил пальцем у виска.

– Ах ты, гад! Сейчас я тебе покажу... – немедленно среагировал Костя.

– Качалин, вылезай немедленно! – скомандовала Елена, оказавшись уже возле Лары.

– Лялечка, но мне надо восстановить поруганную честь. Вон тот тип с удочкой...

– Сюда, я сказала!

Костик обиделся еще больше. Теперь он стоял по пояс в воде, и все ему было нипочем, только бутылка в руках поднималась все выше.

– Он пьян, – с опаской произнесла Лара. – Сперва коньяк, потом пиво...

– Безобразие! – без тени волнения согласилась Елена. – Совершенно не умеет себя вести.

Ишь ты, удаль свою решил показать...

– А вот и не удаль. Просто я решил взбодриться! – крикнул ей Костя, кончик носа у него уже посинел, но он упорно не желал вылезать из воды.

– Что, сплавать за ним? – без всякого энтузиазма предложил Игорь.

Елена обернулась, посмотрела на него с укоризной:

– Ты что, воспаление легких хочешь заработать?

– Но надо же что-то делать...

– У тебя силенок не хватит. Для моего мужа нужен трактор или что-то вроде тягача...

– Костя, мы все очень волнуемся за тебя! – Лара пыталась воззвать к совести соседа, но тот только улыбнулся ей в ответ.

– Ларочка, вы похожи на одну киноактрису, только я забыл ее имя... – Костик икнул и вдруг споткнулся о какую-то подводную корягу. Бутылка выскользнула из его рук, и он с головой ушел под воду. Впрочем, тут же вынырнул. Игорь быстро, с безнадежным выражением на лице, стал стаскивать с себя рубашку.

– Холодная! – Лара рукой черпнула воду.

– Качалин, ты заработаешь ревматизм на всю жизнь! – сурово крикнула Елена.

Вода алмазными каплями стекала с Костиных волос, он продолжал мечтательно глядеть на Лару.

– Лялечка, ты не подскажешь мне фамилию той актрисы? – жалобно попросил он.

– Ты отморозишь себе гениталии, – сурово рявкнула его жена. – И окажешься несостоятелен как мужчина! Стой, Игорь, он сейчас вылезет...

Костик с покаянным видом зашлепал к берегу, видимо, последние слова Елены возымели действие. Едва он ступил на песок, как все бросились его растирать, а Игорь пытался натянуть на его мокрое тело свою куртку. Но она была отчаянно мала любителю весеннего купания.

С тумакami и причитаниями Константина погнали к дому. Поскользнувшись, он упал на крутом косогоре и вдруг блаженно рассмеялся:

– Вы не представляете, но я совершенно трезв!

– Еще бы! – возмутился Игорь. – В такой воде хоть кто протрезвеет! Ужас какой-то... Если б я сейчас в воде оказался, то точно умер бы от разрыва сердца. Елена, ты все-таки молодец, смогла найти нужные слова!

– Да уж! Его остановила только боязнь лишиться самого главного... – вдруг прыснула вдруг Лара. – Вот она, иерархия мужских ценностей!

– Игорь один его бы не вытащил, пришлось бы и нам, Лара, лезть в речку! – захихикала и Елена. – А потом тот деревенский житель, рыболов, вылавливал бы нас всех по очереди своей удочкой...

– Простите меня! – жалобно пропищал Костя. На теплом ветерке он порозовел, и стало ясно, что никакие хвори ему не грозят – столько здоровья было в его огромном теле.

– Константин, да ты у нас культурист!

– Тебе бы, Качалин, не в редакторы, а бодигардом, в охрану...

– Господи, бежим, надо ему срочно коньяка налить!

– А он остался, коньяк-то?

И все четверо с воплями, с гиканьем, с песнями стали карабкаться по косогору, потом побежали по дороге, и уже никто не сердился на Костю. Его нелепый поступок казался уже милой шалостью, всем хотелось заботиться о нем. Дома журналиста переодели, дружно рас-терли спиртом, закутали в какой-то немыслимый тулуп, который откопали среди старых вещей.

И тут у всех прорезался небывалый аппетит, а особенно у Кости, и они набросились на еду.

– Ну вот, – с удовлетворением произнесла Елена, производя ревизию того, что осталось. – А говорили – много взяли... Чем мужчин завтра кормить будем?

– В деревню пойдем! Там должен быть магазин...

Костя растопил большую русскую печь, но Игорю в доме не сиделось. В саду, на природе, ему казалось, намного приятнее прогуляться, чем сидеть в замкнутом пространстве. Он побродил по дорожкам – так, без всякой цели – и наткнулся на рисунок Елены в траве. Взял в руки кусок картона, стал вглядываться. «Все-таки это лист дуба. Только изъеденный по краям, прошлогодний, жухлый...» – решил он для себя и задумался. На земле среди редкой молодой травы и мелких камней лежал самый обычный прошлогодний лист, каких можно увидеть миллионы и миллиарды. Почему именно его нарисовала Елена, чем он ее привлек?

Игорь нашел неоткрытую бутылку пива, сел на крыльце и, держа рисунок в руках, пристально всматривался в него.

Елена появилась откуда-то сзади, тихо села рядом. Узкое бледное личико морщилось в улыбке, крылья острого горбатого носика смешно раздувались.

– Костя у печки греется, – объяснила она свое настроение. – Говорит, что плавание его очень взбодрило. Все бы ему взбадриваться... А ты что, мой рисунок нашел? Хочешь, заberi...

– И не жалко? Я думал, художники очень трепетно, бережно относятся к своим творениям, пусть даже самым случайным...

– Ерунда какая.

– Я вот думаю – что все это значит...

– Рисунок? Да ничего. Я просто так рисовала, от нечего делать.

– А мне кажется, я понимаю.

– Интересно, интересно, – оживилась Елена. – И что же я там нарисовала?

Игорь еще раз взглянул в ее светло-голубые глаза – они были безмятежны и насмешливы. Никаких других чувств в них не наблюдалось.

– Ты нарисовала смерть, – тихо произнес он.

Елена вздрогнула, зрачки расширились, взгляд потемнел.

– Почему ты так думаешь? – осторожно спросила она.

– Мертвый лист посреди зеленой травы.

Елена передернула плечами, словно налетел холодный ветер.

– Может быть. Но тогда ты видишь лучше меня. Знаешь, я действительно нечто подобное имела в виду, когда рисовала, но этого страшного слова у меня в голове даже не вертелось. Я вообще боюсь всего такого...

– Тогда ты нарисовала жизнь. Вот эта молодая зеленая травка, только что пробившаяся из земли, она как раз и символизирует победу жизненных сил, – нарочито менторским тоном, пародируя экскурсовода во время похода по музею, произнес Игорь.

– «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...» Не об этом ли ты?

– Резюмируем: ты изобразила вечное движение, жизнь в ее развитии, борьбу и единство противоположностей...

– Хватит, хватит, а то я сейчас возгоржусь!

– Нет, правда, Елена, – улыбаясь, ласково поинтересовался Игорь, – неужели ты и вправду не знаешь, что хочешь выразить своим рисунком?

– Да, так бывает. Потом, – позже, не сразу – до меня доходит. А иногда мне кто-нибудь объясняет смысл того, что получилось. Вот как ты сейчас...

– Почему так? Ведь творец, приступая к замыслу, должен четко представлять...

– Потому что чувство иногда идет впереди мысли, – перебила его Елена. – Это не только художников касается, а и всех прочих людей. Вот ты... У тебя душа и мозги всегда в ладу?

– Нет, – легко сознался Игорь. – Лара говорит, что я сам не знаю, чего хочу. Ей довольно часто приходится решать за меня.

– А на работе?

– О, там другое дело! Там душа не нужна, всякие сантименты даже вредны. Бухгалтерия в чистом виде.

– А я творю душой... – вздохнула Елена, не печально, не радостно, а как-то отрешенно взмахнув ресницами, и в первый раз Игорь подумал, что она, наверное, очень славное существо, только характер у нее какой-то... изломанный, что ли.

Холодный дом постепенно наполнялся теплом. Костя, румяный, с блестящими, как зеркала, глазами, сидел у печки и маленькими глотками прихлебывал коньяк.

Лара расположилась рядом, усевшись на низенькой скамеечке, и листала старый альбом.

– Вот это как раз мой дедушка на какой-то там профсоюзной конференции. А вот бабка на теплоходе «Русь». Ничего старушка?

– Хороша... В молодости все хороши. А где же ты, Костя?

– Листай, листай дальше, тут все по порядку!

Лара уже давным-давно привыкла, что все восхищаются ею. Она знала, что и Костя не является исключением, недаром сегодняшним утром он чуть не поцеловал ее. Грех небольшой, но... постепенно смутное недовольство стало накатывать на нее.

– Вот это, кажется, ты, да?

– Угу, в возрасте трех лет. Этакий купидон...

– Похож...

– Ларочка, а ты не хочешь хлебнуть? Очень тонизирует.

– Меня тонизировать не надо, я в речку сегодня не лазила. Костя, и что вдруг тебе в голову взбрело с купанием? Ведь апрель еще не кончился!

– Я сошел с ума! – Он радостно и безнадежно развел руками. – Мне надо было что-то сделать, чтобы загасить пожар внутри. Пусть и ледяной водой, чтоб до самых костей пробрало, чтоб хоть чуть-чуть отпустило.

– Кости у Кости... – задумчиво проговорила Лара что-то вспомнившееся из детства. Наконец до нее дошел смысл сказанного соседом, и она решительно заявила: – Я не хочу слушать ни про какой пожар.

– А о чем же говорить? – умоляюще спросил тот.

«Какого черта он на меня так смотрит? Никакой совести нет! Ведь женатый человек, жена его где-то тут, за стеной. Кстати, где она шляется, почему за мужем не смотрит? Хотя за Костей бесполезно смотреть, он все по-своему делает, его не остановишь... вот как сегодня, еле из речки вытащили. Ну и упрямец при всем внешнем добродушии... Гарик не такой. Гарик – как воск в руках. Впрочем, неизвестно, что хуже». Лара остановила поток своих мыслей и ответила на вопрос:

– Не знаю.

– Лара, я чувствую, ты не хочешь об этом говорить, но я-то... Я не говорить об этом не могу. Ты только выслушай!

Она уже догадывалась, что он хочет ей сказать, и произнесла чуть ли не с мольбой в голосе:

– Костя, не надо.

Но того было уже не остановить.

– В первый раз я увидел тебя возле нашего дома. Ты, наверное, не помнишь, мы еще не были тогда знакомы...

– Костя! – предостерегающе воскликнула Лара.

– Это было точно сон, галлюцинация. Потому что в первый момент я не поверил своим глазам – таких красивых не бывает! А потом я узнал, что ты живешь напротив, встречался с тобой в лифте, здоровался, говорил какие-то ничего не значащие банальности, а внутри меня что-то происходило...

– Любовь с первого взгляда? – откровенно раздраженно усмехнулась Лара.

– Да, – кротко согласился Костя. – Что хочешь со мной делай, только я не могу...

– А Елена?

– При чем тут это?! Ну при чем тут это?

– «Это» – ты так про родную жену говоришь? – возмутилась она. – Хорошо, а как же тогда Игорь?

– Игорь – отличный парень.

Лара с треском захлопнула семейный альбом, пыль полетела в разные стороны.

– Больше ни слова о любви, – холодно произнесла она. – Еще один намек на чувства – и ты меня больше не увидишь.

– Ладно, я сказал тебе обо всем, что чувствую, думаю, теперь ни слова... Молчи, грусть, молчи!

Лара положила альбом на стол и вышла на крыльцо. Солнце медленно скатывалось к горизонту, стало прохладно. Игорь и Елена сидели на лавочке молча, глядя на закат.

«Какая тоска!» – подумала Лара и вздохнула.

– Что ты? – ласково спросил Игорь, уловив вздох жены. – Садись рядом. Такой закат...

Но Ларе сейчас оказалось не до красот природы. Мысли неслись в ее голове, как летящий к пропасти табун.

«Этот человек просто от меня не отстанет, – думала она с опаской. – С его-то упрямством, пробивной силой, энергией... Ночевать с ним в одном доме! Впрочем, мы и так живем в одном доме, но здесь... Места здесь полно, не в одной же комнате с хозяевами мы уляжемся спать. Но за одной стеной. Как глупо! Нет, он не доведет ситуацию до абсурда, не полезет ко мне – фу, какие гадкие мысли! – будет лишь думать обо мне. Да, я уверена, он будет думать обо мне – как я там, за стеной. А я не хочу, чтобы он обо мне думал! Какой темный и густой здесь ночной воздух. Здесь вообще все чужое, странное, неприятное. И эта высокомерная Елена...»

Лара села рядом с мужем, потом встала, опять вздохнула. «Только он родной, только он самый любимый, мой мальчик с золотыми кудрями!»

– Что такое, Лара? Что с тобой? – встревоженно спросила Елена. – Что-нибудь не так?

– Мне как-то не по себе...

– Лара, я тебя не узнаю, – испуганно произнес Игорь. – Ты, наверное, на солнце сегодня перегрелась.

– Наверное... Гарик, я хочу домой!

– Что случилось? – теперь всерьез испугалась и Елена. – У тебя что-нибудь болит?

– Ничего не болит. Просто я хочу домой.

– Костя, Костя! – закричала Елена. – Лара хочет домой!

Костик выскочил на крыльцо, все еще кутаясь в тулуп.

– Лара хочет домой? – огорченно спросил он. – Но мы же договорились... Почему?

– Мне плохо, – чуть не плача, пожаловалась она. – Я не могу в чужом доме... Мне страшно! Все хорошо, правда, все хорошо, вы очень славные ребята, и дача замечательная, дело только во мне... Я не могу в чужом доме!

– О господи! – прошептал Игорь, с изумлением глядя на жену.

– Качалин, это ты напугал ее!

– Что?...

– Да, ты ее напугал, полез в ледяную речку, чуть не утонул, заставил нас всех волноваться!

Костя сбросил тулуп и бухнулся перед Ларой на колени. Настоящие слезы текли из его глаз. Похоже, хмель не вполне еще выветрился из его головы. И только что выпитый коньяк так подействовал.

– Прости меня, я во всем виноват... – глухо забубнил он, пытаясь поймать Ларину ногу в кокетливом спортивном ботинке и поцеловать ее.

Лара взвизгнула и отскочила назад.

– Совсем спятил! – возмутилась Елена и ткнула в бок мужа своим острым кулачком. – Безобразие.

– Что делать будем? – уныло спросил Игорь. Все трое смотрели на Лару с печальным, тревожным выражением.

– Отвезите меня назад, – прошептала она.

– Но это невозможно! – всплеснула руками Елена. – Костя лыка не вяжет, у меня тоже алкоголь в крови... Завтра!

Солнце уже почти опустилось за лес, последний багровый луч освещал небо. В прохладном воздухе носился какой-то пух, пахло дымом из трубы, зацветшей черемухой, речным илом.

– Я не хочу завтра! – отчаянно прошептала Лара. – Я хочу сейчас...

Костик уже рыдал в голос, но на него перестали обращать внимание.

– Вы говорили, здесь где-то рядом станция и на электричке до дома всего час езды? – вдруг спросил Игорь.

– До станции минут двадцать пешком, – растерянно ответила Елена. – Неужели вы и вправду собрались ехать?

– А что делать... – развел руками Игорь, и все опять с отчаянием и недоумением посмотрели на Лару.

– Ладно, довезу вас до станции.

– Не надо! – замотала головой Лара. – Елена, это опасно, тебя могут остановить, лишить прав или что там такое... Всего двадцать минут пешком! Мы прекрасно дойдем сами, еще не поздно. Мне очень неловко. Вы только с Костей не подумайте, что это из-за вас, все было прекрасно! Просто нервы у меня расшатались.

Елена объяснила дорогу и все рвалась их проводить, хотя бы пешком. Но Игорь не позволил.

– Ты нужна мужу, – сурово произнес он. Костя в это время пытался подняться с колен.

Всю дорогу до станции Игорь молчал и лишь только тогда, когда они оказались в электричке, сказал, пожимая плечами:

– Что на тебя нашло, Лара? Слишком много пива?

Она ничего не ответила. За окном мелькал темный, уже ночной лес, тускло светили фонари. Кто-то в конце вагона под гитару пел песни: «Не плачь, Маша, я здесь, не плачь – солнце взойдет, не прячь от бога глаза, иначе как он найдет нас...»

В голове Лары проносились смутные фразы, обрывки сегодняшних разговоров. «Тебе бы, Качалин, бодигардом работать...»; «Я не поверил своим глазам, таких красивых не бывает!»; «Молчи, грусть, молчи...»; «Чем мужчин завтра кормить будем?...»

– Тоска! – сказала она, не отрывая взгляда от окна, а про себя подумала: «Он огромный, высокий, словно герой боевиков, бесшабашный. И, кажется, немного глуповатый, что, впрочем, свойственно для всех людей, крупных телом. Пишет о счастье...» Лара не замечала, что муж смотрит на нее пристально, с тревогой.

«Они так странно выглядят рядом... – плавно текли ее мысли. – Впрочем, противоположности всегда тянутся друг к другу. Но все равно... Я помню, она положила ему руку на плечо – какая-то паучья лапка, особенно на его мощном бицепсе. Муж и жена, совсем разные.

Нет, я не должна думать об этом, я никогда не думала о других мужчинах, тем более так – с точки зрения физиологии. Может быть, сказываются гены моей матери, всю жизнь мечтавшей о мужчине, который одной рукой может раздавить камень в песок? Ох уж эти первобытные гены – с тех самых времен, когда человек охотился на мамонта, и счастье женщины зависело только от силы ее партнера. Да, от его силы зависело все – и возможность съесть кусок мяса, и родить здоровых детей, и не беспокоиться о врагах... Как странно я рассуждаю. Ведь в наше время все по-другому! Но почему я думаю о его теле, о его спине, руках, пальцах... Как странно, что этими самыми пальцами он нажимает на клавиши пишущей машинки, ими бы пятки гнуть – на спор. Неужели он прикасается к Елене? Он же может раздавить ее, словно мотылька, лишь брызги разлетятся в разные стороны! Какая гадость мне лезет в голову...»

– Гарик, а вдруг я сошла с ума? – Лара наконец оторвалась от ночного пейзажа за окном. – Я не понимаю, что сейчас со мной происходит.

Как ни странно, ее вопрос успокоил мужа, тревога исчезла из его глаз.

– Иди ко мне, – он сел рядом с ней, обнял. – С тобой все хорошо. Вот видишь, ты опять улыбаешься... Только сумасшедшие уверены в том, что с ними все в порядке, а нормальные люди способны сомневаться в здоровье своего рассудка. Ты устала. Да, я только сейчас понял: ты просто устала.

– Но я вроде бы...

– Нет, ты устала – от переезда, от смены обстановки, всего ритма жизни, от новых знакомств... Началась обратная реакция.

– Еще утром я была такой счастливой, мне все нравилось, меня радовала предстоящая поездка... Семейство Качалиных черт знает что сейчас обо мне думает!

– Усталость приходит неожиданно, именно тогда, когда кажется, что все уже в порядке. Немного сдали нервы, ты раскапризничалась – но ничего страшного!

– Правда? – Лара зарылась носом в его волосы. – От тебя пахнет лесом и костром...

– Вообще, Ларка, ты мне кажешься самым нормальным и здоровым человеком на свете. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, вот, стучу по дереву. С тобой все в порядке, я не помню даже, когда в последний раз у тебя был насморк...

– Вот, – она для убедительности шмыгнула носом. – Сейчас насморк! У речки было очень свежо, и ветер дул какими-то порывами...

– Свежо! – засмеялся Игорь. – А этот медведь полез в воду... Я уверен, что он тоже из той породы железных людей, к которым никакая хворь не пристает, что бы они ни делали...

Лара промолчала. Она ни за что бы не призналась мужу, что думала сейчас о Косте. Тем более она ни за что не призналась бы, что Костя чуть ли не в любви к ней признался... Впрочем, почему «чуть ли»? Кажется, именно признался. Но это дурь, блажь, все очень скоро пройдет, некоторым мужчинам свойственна влюбчивость. «А я не влюбчивая, – успокоенно подумала она. – И, слава богу, Игорь может быть уверен во мне. Гелла, дурочка, смеется, считает меня чуть ли не фригидной, но просто она не знает, что такое настоящая любовь...»

– Ты замечательный! – Лара еще крепче обняла мужа. – Только ты можешь так успокоить, и никто другой.

– О каких это других ты говоришь? – с притворной суровостью спросил Игорь.

* * *

Федор Максимович Терешенко родился в Тюмени, в семье рабочего и учительницы.

Он был способным и честолюбивым ребенком. В те далекие времена, когда карьера зависела от общественной активности, он самозабвенно занимался пионерской, а потом комсомольской работой. И приехав после школы покорять Москву, он стал комсомольским вожаком в институте нефти и газа, а попросту – в «керосинке», где же еще учиться мальчику из города

нефтяников. Связей с родиной он не терял, да и родина его не забывала, несколько раз о нем писали в местной газете как об одном из лучших сынов города. Тем более что после института он вернулся домой, работал по специальности много и не менее самозабвенно, чем занимался своим общественным ростом.

В скором времени его вернули в Москву – представлять интересы отрасли. И Москва опять оказалась к нему благосклонной.

Еще в институте он женился – на славной серьезной девочке из Харькова, которая тоже мечтала покорить мир и нести добро людям. Впрочем, о служении людям ей пришлось вскоре забыть, поскольку на свет появились одна за другой сразу три девочки Терещенко – Аня, Вика и Людочка, такие же славные и белобрысые, как их мама. Это было иное служение, не менее почетное, чем профессиональный рост, и не менее трудное, поэтому Федор Максимович решил своей жене сидеть дома с детьми, а не гореть на производстве. Он искренне любил свою семью и ради ее счастья был готов свернуть горы. Они жили хорошо. Федор Максимович постоянно разъезжал между Москвой, Тюменью и другими городами, где нефтедобыча стояла на первом месте, как-то целый год жил в Баку, где в друзьях у него было полгорода – человеком он был милым и честным, что ценилось во все времена. Словом, все в семействе Терещенко было прекрасно и замечательно, как в известных отечественных книгах и фильмах, шедеврах соцреализма.

Младшей, Людочке, было два года, когда разразилась перестройка. Именно разразилась – как война или революция. Так считал Федор Максимович, который любил все основательное и постепенное. Стало голодно, холодно и страшно, и только благодаря его обширным связям и знакомствам семья не бедствовала, но сознание того, что теперь все их хрупкое благополучие зависит целиком и полностью от него, очень изменило Федора Максимовича. «Если не я, то кто же?» – сказал он себе, с новыми силами бросаясь в работу. Именно в работу, а не в карьеру – хотя у него в то время имелась возможность сделать себе громкое имя, занявшись политикой. Но политику и прочие словеса он разлюбил, решив раз и навсегда, что живой рубль важнее.

Подошли либерализация и приватизация, появилась возможность создавать частные предприятия, чем Федор Максимович не замедлил воспользоваться. Он с двумя своими друзьями создал фирму по переработке нефтепродуктов сначала в Тюмени. Потом они наладили контакты с поставщиками сырья и открыли представительства в Москве и других городах. Словом, он запустил огромный маховик, который постепенно начал набирать обороты, ибо в опыте и желании работать Федору Максимовичу, кажется, не нашлось бы равных.

Он был одним из первых «новых русских», но не таким, какими рисуют их анекдоты. Конечно, было все – издержки конкуренции, жульничество партнеров и его собственное, впрочем, не особо страшное жульничество – ибо в начале карьеры ему приходилось обманывать немножко государство, а не каких-то конкретных людей. Красный пиджак, золотая цепь, посещение саун с девочками, безумно дорогие застолья, мобильник у всех на виду – все это, конечно, тоже было в его жизни, но в очень небольшом количестве и очень короткий промежуток времени, постольку поскольку – лишь как дань моде. Федор Максимович являлся человеком неприхотливым, ни желудок, ни прочие органы не имели большой власти над его душой, поэтому позже, когда в моду вошли совсем иные ценности – традиции, семья, вера и тому подобные моралите, – он оказался на высоте. Он был образцом семьянина и православного, довольно приличную сумму тратил на благотворительность – простой народ его любил.

В новый век он вошел уверенной, спокойной походкой – один из генеральных директоров крупной нефтеперерабатывающей компании. Процветание собственного дела и всей России в целом – на первом месте, а затем – истовая забота о дочерях, культурный отдых: зимой в Альпах, летом на Кубе, помощь сиротам и малоимущим и прочие прелести жизни «новых русских».

Двух старших дочерей к тому времени он выдал замуж – Аню за известного футболиста, а Вику за популярного режиссера. Любочка готовилась поступать на юридический. Жена благоустраивала быт, между делом регулярно посещая салоны красоты и дамские клубы, с возрастом врожденное благородство все сильнее проступало в ее чертах... Словом, для Федора Максимовича не существовало ничего такого, что мешало бы ему спать по ночам.

Однажды на юбилей супружеской жизни он отправился в антикварный салон, который на время открыли в известной галерее, где выставлялись работы современных художников. Он слышал, что там можно купить сервиз кузнецовского фарфора, о котором давно мечтала жена.

Сервиз он приобрел довольно быстро, мимоходом прихватив каких-то бесполезных, но очень милых безделушек – старинную записную книжку в тисненой коже с тоненьким карандашиком, прикрепленным золотой цепочкой к корешку; перламутровые запонки; простенький, но чрезвычайно милый перстенок с агатом, который принадлежал одной из фрейлин царского двора, расстрелянной после революции вместе с царской же семьей; сердоликового слона, лет которому не менее двухсот... Федор Максимович уже давно не думал о том, сколько он тратит денег. Покупал то, что было ему необходимо или просто нравилось, в чем была своя прелесть. Он вдруг вспомнил прежние времена, когда ребенком жил в одном из бараков на окраине Тюмени – запах хозяйственного мыла, которым стирала мать, скудную обстановку их комнаты, – и ему стало грустно и почему-то смешно. «Кто бы мог подумать...» – мелькнула в его голове мысль. Он еще немного поглазел на соблазны антикварного салона, а потом решил побродить по выставке. Федор Максимович как интеллигентный человек не был чужд искусству, помог нескольким творцам осуществить их планы. С финансовой точки зрения, конечно.

Медленно он бродил по лабиринтам галереи, там, где выставлялись художники, останавливаясь перед одними картинами и равнодушно скользя глазами по другим. Минут пять постоял перед каким-то пейзажем, изображавшим зимний лес, вздохнул...

На третьем этаже, уже порядком устав, Федор Максимович оказался в небольшом зале, на стенах которого висели произведения графики. Подобные картины, выполненные то ли углем, то ли карандашом, никогда его не привлекали, он признавал за настоящее искусство только то, что создано маслом или акварелью. Но вдруг он замедлил шаг, ироничная улыбка заиграла в уголках его губ.

«Бред какой-то! Но что-то в этом есть, определенно», – подумал он удивленно. Старая скомканная газета, перекаати-полем летящая по тротуару... забитый травой и мусором водосток, изображенный с очень близкого расстояния, словно автор, опустившись на корточки, скрупулезно вырисовывал каждую травинку и размокший сигаретный фильтр, прилипший к решетке водостока... облупленная трансформаторная будка с надписью «Спартак – чемпион»... кованая железная ограда, сквозь которую тянулись к солнцу ветки деревьев, словно в вечной мольбе... Сюжеты этих картин были нелепы и неожиданны, как будто художник, создавший их, не отрывал взгляда от земли, рисуя все, что валялось на ней, а людей для него не существовало.

Федор Максимович, все еще усмехаясь, прочитал подписи под картинами и оглянулся. За столиком в стороне сидела миниатюрная бледная девушка со светло-пепельными волосами, собранными на затылке в пучок, в бледно-лиловом шелковом платье – воплощение декаданса и меланхолии.

– Вы автор? – подошел к ней Федор Максимович. – Вы – Качалина?

– Ага, – равнодушно ответила девушка.

Глаза у нее были такого небесно-голубого оттенка, что Федор Максимович невольно залюбовался. Повисла пауза. Художница смотрела на посетителя выставки спокойно и доброжелательно, и Федору Максимовичу даже стало немного неловко под прицелом этого голубого огня.

– А работы ваши продаются? – неожиданно для самого себя спросил он.

– Пожалуйста, – великодушно предложила она. – Вот только те, что помечены красными кружочками, уже проданы, а все остальное...

– Терещенко. Федор Максимович, – представился он.

– Елена, – чуть наклонила в ответ голову девушка.

– Вот что, Аленушка, я сейчас еще разок взгляну...

– Нет, нет, – вновь подняла она на него глаза. – Не Аленушка. Елена.

– Не понял... – осекся он, но тут же сообразил: – Впрочем, понял. Только Елена, да?

Художница его смущала, раздражала и привлекала одновременно. Но чем, он пока не мог бы объяснить. Елена! Выскочка и зазнайка, как и все художники, не может без выверта...

Он протянул ей свою визитку – она едва пробежала взглядом по золотым тисненым буквам и, не меняя выражения лица, вручила ему свою. Так состоялось их знакомство, неожиданное в первую очередь для Федора Максимовича, – ибо картины Качалиной были совсем не в его вкусе, а сама художница раздражала. Он еще некоторое время смотрел ее работы, все ожидая, что наступит наконец долгожданный и неизбежный момент разочарования, когда он вздохнет с облегчением и уйдет отсюда, но момент этот почему-то не наступал.

Перед его глазами мелькали странные мелочи, на которые никто никогда не обращает внимания, в которых ничего на первый взгляд и нет – лишь изображенный с фотографической точностью мусор, старые дома с пустыми окнами, ветхие деревянные лестницы, ведущие в черные подвалы, и еще какая-то ерунда. Федор Максимович тем более стремился поскорее уйти из зала галереи потому, что многие из картин художницы Качалиной напоминали ему его убогое детство. От изображенных ею заброшенных улиц пахло хозяйственным мылом и затхлым подвальным духом, едва разбавленным тонким ароматом ромашки, растущей в трещинах на асфальте. Что-то непроизвольно тронуло его сердце, и просто так уйти он не мог.

– Я выбрал несколько картин, – произнес он твердо, опять подходя к художнице, сидевшей в высоком вертящемся кресле в непринужденной великосветской позе. – Договоримся о цене?

– Сколько дадите, – спокойно сказала Елена.

– А продешевить не боитесь? – усмехнулся он.

Она пожала плечами.

– Я думаю, примерную цену вы знаете, – серьезно сказала она.

– А вы мне нравитесь! – засмеялся Федор Максимович. – Я не жадина...

– И я, – перебила она его.

– Так вот... – он назвал сумму – ни одна черточка на лице Елены не дрогнула. – По рукам?

– По рукам.

Федор Максимович уже хотел бросить эффектную фразу – дескать, заверните покупку, поскольку раньше всегда сразу получал то, что хотел. Но сейчас дело оказалось не таким простым. Он расплатился, расписался в каких-то бумажках, только с получением картин, сказали ему, придется подождать до окончания выставки.

– А не пропадут? – неловко пошутил он.

– Тогда я верну вам деньги, – пожала плечами Елена. – После закрытия выставки картины пришлют вам, Федор Максимович.

– Странные темы, какие странные темы... – помахал он рукой в воздухе. – Что-то в этом есть, но что – не понимаю.

– Советую вам картины повесить в коридоре. Не в спальне, не в гостиной – именно в коридоре. У вас есть коридор? А то, знаете, у многих сейчас, по новой моде, одна большая зала, без перегородок.

– Есть, – кивнул он. – Я человек старомодный, без коридоров и всяких прочих закутков не могу, иногда мне надо спрятаться, словно улитке. Впрочем, я собирался разместить ваши творения в своем офисе.

– Это еще лучше, – вдруг оживилась Елена. – Для офисов хороша именно графика. Белые стены и все такое...

– Стены там у меня не белые, – покачал головой Федор Максимович, – а светло-кремовые. А впрочем, разница небольшая... Приходите ко мне, может быть, удастся создать долгосрочное сотрудничество. Здание большое, есть где развернуться художнику.

– Заманчиво... – вздохнула она. – Но, наверное, в ближайшее время не получится. Я переезжаю, это такая морока.

– Далеко?

– В ближнее Подмосковье.

– А своей мастерской у вас нет?

– Увы. Вот именно затем и переезжаю, там у меня будет комната под мастерскую – большая, светлая...

* * *

Резкие майские холода перечеркнули ту безмятежную идиллию, которая царила в городе весь апрель. Люди закутались в теплую одежду, посуровели лицами, улицы опустели, любители пива покинули бульвары и перекочевали во всевозможные бары и кафе – сидеть на пронизывающем ветру мало удовольствия.

Лара бежала по утренней ледяной Москве и шепотом кляла опоздавшую электричку, которая, ко всему прочему, еле тащилась, то и дело останавливаясь и пропуская идущие мимо составы. А на десять часов к ней снова записалась Сидорова, та самая противная капризная тетка.

Она опоздала на полчаса – влетела в салон румяная, с дрожащей улыбкой на лице, на душе мутно, тяжело. Мадам Носкова бросила, проходя мимо с кислым видом:

– Опоздываете, Ларочка, вас давно ждут...

Клиентка сидела в кресле и пустым, ненавидящим взглядом таращилась в зеркало.

– Ну наконец-то! – взорвалась она, увидев входящую парикмахершу. – Сегодня вы от меня чаевых не дожидаетесь, милочка. Сколько ждать вас пришлось. Черт знает что такое, просто безобразие!

– Прошу прощения... – выдохнула Лара, стремясь унять дрожь и в руках. – Очень холодно, пальцы заledenели...

– Не из-за холода же вы опоздали, милочка? – поджала губы клиентка, откидываясь назад, и принялась высказывать свои пожелания: – Мне как обычно, только верх чуть пышнее. И сделайте еще такие колечки игривые на висках, как у Кармен... Ой, только не прикасайтесь к шее своими ледяными руками!

А днем, как назло, клиентов почти не было – видимо, у людей не возникало желания наводить красоту в такую плохую погоду. Лара пила кофе в компании Геллы.

– Я очень поправилась, – ворчала Гелла тоскливо. – Два лишних килограмма за неделю! Это все из-за погоды. Проклятая весна... Депрессия... Сажу дома и ем конфеты. Шоколад успокаивает нервы.

– Проклятая весна, – повторила Лара эхом. – Мне тоже как-то не по себе.

– Я же говорю – весна, межсезонье!

– Я все думаю об одном человеке...

– Влюбилась, да? – всплеснула руками эмоциональная толстушка Гелла. – Ведь влюбилась!

– Что ты такое говоришь... – утомленно отмахнулась Лара. – Я не могу влюбиться. Я другому отдана и буду век ему верна. Но этот человек сидит у меня в мозгах, словно заноза.

Понимаешь, он в меня влюбился... – Она понизила голос до шепота, словно где-то рядом бродил невидимой тенью Игорь.

– И немудрено! Ты – королева.

– Ох, Гелла... Мне кажется, я его очень обидела. Он теперь бог знает что обо мне думает!

– А ты?

– А я не хочу, чтобы он обо мне думал. Вообще!

– Кто он?

– Да какая разница...

Вкус у кофе был горьким, Лара морщилась, отхлебывая из чашки.

– Ларка, определенно что-то с тобой происходит! – восторженно и тоже шепотом заявила Гелла. – Ты какая-то не такая. Я тебя не узнаю!

– А что? – Лара невольно взглянула в зеркало.

– Ты другая. Нет, правда. Нечто вроде легкого помешательства в тебе проглядывает.

– Я тебя умоляю!

На душе было по-прежнему мутно, тяжело, слегка кружилась голова. Лара знала, что всему виной холодный май, но когда она вышла в салон и вдруг увидела Костю, ей на мгновение показалось, что она и вправду сошла с ума.

– К тебе пришли, Лара! – крикнул томный Вадик и, пробегая мимо, шепнул полусерьезно: – Может, познакомишь? Этаким Добрыня Никитич...

– Костя? – Она попыталась изобразить на лице легкое удивление. – Как ты здесь оказался?

– Я к тебе записался, – Качалин был серьезен и бледен, темные лохматые волосы вились по плечам.

– Но я же тебя предупреждала: я не занимаюсь мужчинами.

– Ларочка, он настоящий! – крикнула из своего закутка Людмила Савельевна. – Сказал, что он твой сосед и вы договорились. Он правда твой сосед?

– Костя, с твоей стороны, очень глупо... – начала Лара, но в зеркале увидела Геллу, которая подавала ей какие-то таинственные знаки, с вопросительным и восторженным выражением лица, наверное, что-то вроде вопроса «это он?». – Ладно, садись в кресло, у меня все равно сейчас окно. Курткуними...

Гелла разочарованно отвернулась, видя, как спокойно говорит ее подруга с клиентом, у остальных тоже были дела.

– Как тебя подстричь?

– Как угодно, я полностью доверяю тебе.

В углу бубнил телевизор, из массажного зала, где священнодействовал Вадик, доносилась умиротворяющая мелодия Вангелиса, на Лару никто не обращал внимания.

– Доверяешь? – едва слышно прошептала Лара, вцепляясь в пышную Костину шею. – Смотри же...

На Костином лице не дрогнул ни один мускул, он пристально, неподвижно глядел на Ларино отражение. Она взяла в руки широкую прядь на его затылке и с мстительным видом отхватила большую ее часть.

– Не слишком ли коротко? – спокойно спросил Костя.

– Ах, надо еще короче? Так мы живенько, под ноль...

Лара сама не понимала, что такое с ней творилось, – обычно спокойная и рассудительная, сейчас она была вне себя, будто демоны рвали ее внутренности на части.

– Лара, ты богиня...

– Фу, какая пошлость! – ответила она, склоняясь к его уху. – Качалин, мне кажется или нет, но ты меня преследуешь, так?

Ножницы мелькали в ее руках. Нет, она не собиралась лишать нахала-соседа шевелюры, но от души царапала расческой его голову, отхватывала пряди на расстоянии миллиметра от его ушей.

– Ты думаешь, мне больно? – спокойно, тихо произнес Костя. – Вовсе не больно. Я испытываю самое настоящее наслаждение.

– Не смей, не смей говорить мне про наслаждение...

– Ты боишься любви, Лара, да? Ты ведь никогда не любила.

– Всю жизнь, да, всю жизнь я любила и люблю только одного человека – своего мужа. И я не намерена за его спиной...

– Ты убежала от меня тогда. Просто удрала с дачи. Но ведь это же не просто так, я прекрасно вижу, что ты начинаешь волноваться только при одном моем появлении.

– А не надо было вести себя, как пьяная свинья. Хотя... Все объясняется легко: у меня просто настроение пропало, и ты тут ни при чем...

– Лара!

Подстриженный Костя Качалин был на себя совершенно не похож. Романтическая небрежность, которую придавали ему длинные волосы, исчезла, и он стал выглядеть необычайно мужественно и строго, словно герой боевиков – дай ему только автомат в руки, и он немедленно пойдет крушить врагов.

– Как хорошо, – сказал он, проводя ладонью по голове. – Ты чудо, Лара. Ты меня абсолютно преобразила.

– Спасибо, – сдержанно ответила она, гневаясь уже не столь сильно.

– Да, преобразила и по существу, и по форме. Знаешь, я теперь совсем другой человек. И, наверное, не смогу уже жить как раньше...

– Костя, не надо.

– Сколько я тебе должен?

– Нисколько. Уходи и больше не появляйся – это будет лучшая мне благодарность.

– Ты можешь выйти на минуту? Мне надо еще кое-что сказать тебе.

Она пошла его провожать. На лестничной площадке, где обычно сидел охранник, никого не было, лишь на решетке высокой пепельницы тлел окурок – вероятно, тот только что отлучился. Лара кончиками пальцев взяла недокуренную сигарету за фильтр и потушила ее.

– Я слушаю.

– Лара, понимаешь, я не могу так просто исчезнуть из твоей жизни, – торопливо начал Костя. – Мы соседи как-никак.

– Ну и что?

– Мы неизбежно будем сталкиваться – возле дома, в лифте, возле наших дверей. Будем ездить в одной электричке, дышать одним воздухом...

– При чем тут воздух, я не понимаю? Это все лирика, Костя, издержки твоей журналистской работы.

– Ты в моем сердце, Лара, мы никогда уже больше не расстанемся.

– А Елена? – растерянно спросила она.

– А Игорь? – в свою очередь, спросил Костя. – Он славный малый, но одна мысль о том, что ты спишь с ним в одной кровати, целуешь его и...

– Пожалуйста, не продолжай!

– Я люблю тебя.

– А Елена? – опять повторила она свой дурацкий вопрос, хотя понимала, что неразумно сейчас упоминать о Елене. Что надо вести прежнюю линию – быть твердой и непреклонной, не позволяя своей слабости прорваться ни в словах, ни в голосе, и заставить Костика не говорить больше о чувствах. Она же говорила о его жене, словно та была единственным препятствием для их любви...

Вместо ответа Костя вдруг притянул Лару к себе и поцеловал глубоким, долгим поцелуем, от которого она вмиг потеряла способность сопротивляться. Бесконечно долго, целых восемь лет, она не знала никаких других ласк, кроме тех, которые дарил ей Игорь, и была счастлива, и не хотела ничего менять в своей жизни. Но сейчас, когда чужой, совершенно чужой мужчина прикасался к ней, прижимался к ее губам, вдыхая в нее чужую, новую жизнь, ей стало жутко и хорошо.

«Я только поцелую его, и мы расстанемся навсегда. Я отругаю его, оттолкну, не позволю ему и близко подойти к себе», – мелькнула в ее бедной голове спасительная мысль, но когда Костя наконец выпустил ее из объятий, она не смогла произнести и слова.

– Обожаю! – страстно воскликнул он.

Лара лишь покачала головой, не сводя с соседа ошеломленных, с огромными черными зрачками глаз, ничего не понимая, словно какой-то волшебник прошептал над ней заклинание, перевернув весь мир с ног на голову.

– Уходи! – сказала она беззвучно, одними губами.

И он ушел. Но потом долго, целый день, она думала о нем. Вернее, не думала даже, а представляла себе его лицо – вот оно, в глубине зеркала, – ощущала ладонями мягкую теплоту его волос. Под вечер она едва не расплакалась – от того, что не могла прогнать Костю из своих мыслей, что его призрак был навязчив, так же, как он сам.

Лара ни на мгновение не сомневалась в том, что любит Игоря, но привычный образ мужа вдруг исчез из ее воображения, заменился другой картинкой. Возвращаясь вечером домой, измученная и несчастная, она вдруг призналась самой себе, что Костя совсем ей не безразличен. «Но слишком поздно он встретился мне, – подумала она. – Слишком. Не буду же я из-за него ломать, менять свою жизнь? Если бы мы познакомились лет восемь назад... Он милый, это правда, несмотря на все его недостатки, он честный и безрассудный. Интересно, скажет ли он Елене? Нет, это было бы совсем уж глупо...»

Несколько дней они не встречались, вернее, случайность не позволяла им столкнуться нос к носу возле дома, но Лара постоянно думала о том, что рано или поздно это произойдет. И дело было не в том, хотела она этого или нет, дело было совсем в другом: она с ужасом ждала своей реакции. Она собой уже не владела, не знала, как ее душа и ее сердце отзовутся на появление Кости. Если бы он мог образумиться, не говорить о своих чувствах... В электричках она нервничала и то и дело оглядывалась по сторонам, торопливо бежала по перрону, задыхалась в подъезде, ожидая лифта.

Черемуха еще цвела, но холода уже отступили, было хорошо и страшно – обычное Ларино состояние в последнее время. Она себя не узнавала. Когда-то спокойная, рассудительная и жизнерадостная, она раньше ни в чем не знала сомнений, решительно отвергая все, что могло нарушить ее светлое идиллическое состояние. Теперь она боялась саму себя.

И вот, в очередной раз возвращаясь домой с электрички, она увидела перед собой Костю. Тот шел своей обычной тяжелой походкой, задумавшись, опустив низко голову. Почему-то именно его задумчивый вид подействовал на Лару очень сильно – она решила, что Качалин думает о ней. «Господи, как я выгляжу?» – всполошилась тут же Лара, торопливо доставая из сумочки косметичку. В зеркале отразилось ее гладкое, без единой морщинки личико, ровная линия губ, летящие к вискам брови – все было идеально. «Впрочем, какая разница... – немедленно принялась она успокаивать сама себя. – Я же не собираюсь с ним кокетничать? Он поцеловал меня один-единственный раз, и все, больше ничего такого!»

Она даже замедлила шаги, чтобы Костя отошел подальше вперед, чтобы избежать ненужной встречи. «Не надо смотреть ему в спину, он может почувствовать мой взгляд», – одернула она себя и стала вертеть головой по сторонам, лишь краем глаза ловя силуэт впереди. Сердце ее колотилось, она злилась на себя.

Костя вдруг остановился и обернулся. Надо же, все-таки почувствовал!

– Лара...

– Добрый вечер, Костик! – как ни в чем не бывало, поздоровалась она, стараясь соблюдать равновесие между любезностью и раздражением.

– Что же ты не окликнула меня?

– Ну...

– Я догадался, что ты идешь за мной. Именно ты. Знаешь, как я догадался? – Его лицо сияло добродушием и радостью, Лара даже улыбнулась ему в ответ, на этого человека невозможно было сердиться.

– Как? – спросила она.

– По стуку каблучков. Знаешь, звук шагов красивой женщины...

– Разве мало вокруг красивых женщин? – неискренне удивилась она.

– Ни одной. Только ты так ходишь, вбивая маленькие гвозди в мое сердце...

– Ох уж эти писатели!

– Я журналист, Лара.

– Да какая разница... Елене понравилась твоя стрижка?

– Да, – просто сказал он. – Она сразу догадалась, что меня подстригла ты.

– А о том поцелует она не догадалась? – спросила Лара и вдруг покраснела.

– Не знаю... – равнодушно ответил он. – Идем, прогуляемся по лесу?

Она колебалась только мгновение, но потом ей стало стыдно за свой страх. Черт возьми, что она, тургеневская девушка какая-нибудь, чтобы бояться самых невинных развлечений... И тряхнула согласно головой:

– Идем.

И они побрели по длинной разбитой дороге в сторону леса. Навстречу им попадались мамы с колясками, собачники, выгуливавшие своих питомцев. Словом, народу кругом было полно, близкое лето и другим не давало сидеть дома.

– Как Елена?

– Она тебя действительно интересуется или ты пытаешься вести светский разговор? – с любопытством спросил Костя.

– О господи... – вздохнула Лара. – Ты медведь, Костя, самый настоящий медведь. Для тебя нет ни приличий, ни условностей. Что плохого в светском разговоре? Ну о чем мне с тобой говорить, о чем?

– Поговорим о весне, – энергично предложил тот. – А Елена... Ей сейчас не до меня, у нее очередная выставка идет полным ходом, днями там пропадает. Такое солнце... «Свой мозг пронзил я солнечным лучом. Гляжу на мир. Не помню ни о чем. Я вижу свет и цветовой туман. Мой дух влюблен. Он упоен. Он пьян...» Это Бальмонт. Хочешь мороженого?

– Да, – рассеянно ответила Лара. «В самом деле, чего я ломаюсь, чего боюсь? Почему не могу быть такой же простой и искренней, как он?» – Но я не могу не думать о Елене. Разве она не ревнует тебя?

Костя купил два эскимо у торговавшей с передвижного контейнера под тентом женщины, отдал одно Ларе и с удовольствием принялся поглощать свое.

– Нет, – ответил Константин через некоторое время, слизывая с губ шоколад. – Никто никого у нас в семье не ревнует, никто никого не подозревает, мы современные люди. Я же ничего плохого не делаю?

– Ничего... – эхом повторила Лара.

– И потом, мы уже столько живем с ней вместе, страсти давно утихли.

– Сколько?

– Года три, наверное...

– Совсем мало, – улыбнулась Лара. – А я мечтаю о вечной любви. Если за три года люди успели надоесть друг другу...

– Ты хочешь сказать, меня нельзя принимать всерьез? – надулся Костя.

– Вот именно! – Она открыто расхохоталась и промурлыкала: – «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный, Купидон, женской лаской прельщенный...» Вертится все время в голове у меня эта мелодия!

– «Женской лаской»... – эхом повторил Костик. – Если бы волосы у меня могли расти быстрее, я бы приходил к тебе в парикмахерскую каждый день. И ты прикасалась бы к моей голове своими чудесными ловкими пальчиками, вертела бы меня в кресле... Я еще не испытывал наслаждения острее.

– Глупости какие... – пробормотала Лара, отворачиваясь. Она осознавала, конечно, что пылкие Костины излияния не следует воспринимать серьезно, они могут оказаться лишь поэтической метафорой, призванной соблазнить женское сердце, красивыми словами, за которыми пустота, но заткнуть себе уши не могла. – Каждый день! Я же тебя предупредила – в первый и последний раз ты ввалился тогда ко мне в салон, повторения не будет.

– Ты очень жестока, Лара, – печально вздохнул Костик.

– Я не жестока, я стараюсь поступать как разумный человек. К чему все это? – стараясь быть рассудительной, важно произнесла она.

– Что?

– Ну, твои признания, тот поцелуй... – она опять покраснела. – Чего ты добиваешься?

– Я? Чего я добиваюсь? – искренне изумился он и так развел руками, что подтаявшее эскимо плюхнулось с палочки на землю. – Черт, растяпа... Я ничего не добиваюсь. Я всегда говорю о том, что думаю. Я вообще человек открытый, не могу молчать, таиться, скрытничать! – Костя тер платком свои руки и недовольно пыхтел.

– Нет, лучше молчи, – растерянно возразила Лара. – Это как-то нарушает... всеобщее спокойствие, что ли. Ты как человек пишущий должен знать, что в словах заключена сила, что они способны ощутимо действовать... Мне не по себе от твоих признаний! – вдруг возмутилась она.

– Ты словно с другой планеты. Неземная женщина... – Костик улыбнулся и хитро подмигнул.

– Я свалилась с луны, да?

– Да. И прямо мне на голову. Ты же любишь Игоря, ты человек строгих нравственных принципов, судя по всему. Так чего тебе бояться?

– Как – чего? Я, вот, например...

– Я знаю, чего ты боишься. Ты себя боишься. Потому что ты – другая, чем сама думаешь. Ты – огонь. Но в тебе это свойство еще не проявилось окончательно. На самом деле тебе плевать на нравственные принципы. Да, не тебе, царице, поступать, подобно какому-то жалкому, ничтожному «разумному человеку»! – последние слова он произнес с напыщенной театральной интонацией.

– Костя!

Они давно уже шли по узкой лесной тропинке. Лара старалась держаться от своего спутника на расстоянии, но у нее это не очень-то получалось. То и дело она касалась локтем Костиной руки, чувствовала запах его одеколона.

– Чему ты улыбаешься?

– Это не твой запах, – сказала она.

– А чей? О чем ты? – переполошился он.

– Запах твоего одеколона слишком сладкий, острый. Он скорее для изнеженного юноши, светловолосого, астенического телосложения, – задумчиво ответила она. – Ой, я все забываюсь, у меня профессиональная привычка – люблю давать советы.

– Понял, – обрадовался Костик, потирая себе щеки. – Одеколон мне Елена подарила. У нее совершенно нет вкуса! – радостно сообщил он.

– Разве можно так о собственной жене, да еще художнице к тому же, – укоризненно покачала головой Лара. – Какое-то эстетическое чувство у нее непременно должно быть! Чему же их в институтах учат?

– Лицемерка! – восторженно воскликнул Костик и, исхитрившись, чмокнул Ларе ручку. – Милая лицемерка! А какой же мой запах?

Лара сделала вид, что ничего не произошло, и ответила:

– Хвоя или кожа... Что-то такое простое, даже грубоватое, но надежное...

Солнце пробивалось сквозь молодую листву, щекотало Ларе щеки. Ее туфельки на высоких шпильках проседали в рыхлой земле, сверху сыпалась с деревьев пыльца, но она вдруг перестала обращать на эти мелочи внимание. Неожиданно ей стало легко и спокойно, она вздохнула.

– Ты не устала? – встревожился Костик.

– Немного. Но это пустяки... – рассеянно ответила она. – Куда мы идем?

– Там, за поворотом, открывается очень красивый вид – река, цветочки и все такое... Правда, рядом пустырь со строительным мусором, но на пустырь можно не смотреть.

– Кажется, я здесь еще не ходила, – сказала Лара, оглядываясь по сторонам. – Все как-то некогда обследовать окрестности. Костя, вы с Еленой не думали о ребенке?

– О чем? – изумился тот.

– Ну, что неплохо завести беби и все такое, как ты выражаешься...

– Не представляю свою благоверную в роли матери! – вдруг захохотал Костя, но не грубо, а даже как-то испуганно. – Нет, это не для нее. Я думаю, ей было бы лень заниматься всем этим. Пеленки, ползунки... Почему ты спрашиваешь?

– Так, просто...

– Осторожно – здесь открытый колодец!

– Безобразие, – недовольно пробормотала Лара, обходя провал. – И куда только городские службы смотрят!

– Ларочка, здесь уже не город, здесь пустыня. Если мы свалимся в колодец, вернее, в этот канализационный люк, нас никто никогда не найдет. Решат, что пропали без вести.

– Или сбежали куда-нибудь вместе. За границу, например.

– Или на необитаемый остров.

За поворотом открылся действительно красивый вид – берег плавно спускался к реке, буйно цвели одуванчики, на противоположной стороне медленно покачивались камыши. Здесь было совсем безлюдно и очень тихо, лишь глухо простучала вдалеке электричка, невидимая за стеной леса, да хрипло вскрикнула серая чайка, проносясь над зеленовато-бурой водой.

– Передохнем? – Костик указал на поваленное грозой дерево, которое страшно скалилось застрявшими в земле корнями. Не дожидаясь ответа, он тут же перешагнул ствол и уселся. Лара ходила рядом, с сомнением поглядывая на свои шпильки, застревавшие в высокой траве, трогала пальчиком шероховатую кору, а потом пристально разглядывала этот пальчик.

– Немного пыльно... – растерянно сказала она. – Если бы постелить что-нибудь. У меня брюки замшевые, а к замше все так пристаёт...

Вместо ответа Костя потянул ее за руку и почти силой усадил к себе на колени.

– Проще надо быть, – нравоучительно произнес он. – Ты очень цельный человек, но все время цепляешься за какие-то мелочи. Будь собой, пожалуйста...

Последние его слова прозвучали мольбой, и Лара, хотевшая было по привычке возмутиться таким бесцеремонным обращением, вдруг смирилась, не стала делать никаких попыток вырваться из плена Костиных рук. С ним было так спокойно, легко и надежно, почти во всем, сказанном им недавно, было столько правды, что она почувствовала даже удовольствие. Об Игоре она сейчас не думала. Лара вздохнула, опустила голову на широкое плечо, которое

оказалось так близко, потом руки ее сами собой обвили вокруг шеи Кости, она прижалась к нему всем телом и ощутила, как быстро и сильно бьется его сердце...

«Что я делаю? – как-то отрешенно подумала Лара, когда, не открывая глаз, почувствовала на своих губах его губы. – Кажется, я точно сошла с ума...»

Но остановиться она уже не могла, да и не хотела. Ее словно засасывал темный водоворот, она вцепилась в Костика мертвой хваткой, слилась с ним в таком страстном, таком неистовом поцелуе, что он застонал невольно. Лара приоткрыла глаза и увидела, как удивленно и покорно глядит на нее Костя, а на щеке у него дрожит слезинка. Они целовались очень долго и как-то судорожно, словно от их поцелуев зависела их жизнь. Особенно умилила Лару эта его слезинка, которая говорила сама за себя, говорила больше самых красивых слов. Кажется, она окончательно убедилась в том, что Костя действительно любит ее. На миг она оторвалась от его губ и провела языком по его щеке, поймав соленую капельку.

Майское солнце палило немилосердно, но Ларе, сидевшей на открытом пригорке, казалось, что она тает от поцелуев, а не от солнечных лучей. Пахло травой, от реки тянуло терпким запахом тины, стук колес электрички будто превратился в стук ее сердца, синее небо стремительно кружилось над головой.

– Я умираю, – жалобно сказала Лара. Костя на миг ослабил объятия, но ей вдруг стало еще хуже. Она уже не могла не ощущать рядом тепло его большого сильного тела, ей хотелось раствориться в нем. – Нет, только не уходи...

– Я тебя обожаю, – едва слышно прошептал Костя. – Я никуда не уйду!

Счет времени был потерян, долгий майский вечер растянулся в бесконечность, они двое забыли обо всем.

И только когда толпа подростков с гиканьем и свистом пронеслась мимо них к реке, Лара вздрогнула и отодвинулась подальше от Костика.

– Испугалась? – спросил он с улыбкой и нежно погладил ей щеку тыльной стороной ладони.

– Нет. Я ничего не боюсь, а с тобой и подавно...

Это было чистой правдой – Лара не испытывала страха ни перед хулиганами, ни перед собаками. Она боялась только тех демонов, которые царили сейчас в ее душе. А Костик был таким мощным, огромным, совсем как тот принц из мечты ее матери, по наследству передавшийся и ей, Ларе, что с ним даже демоны были не страшны.

– Наверное, нам пора возвращаться, – сказала она. – Уже поздно.

– Еще минуточку...

– Костя! – укоризненно воскликнула она.

– Я никуда тебя не отпускаю! – жалобно, точно обиженный ребенок, воскликнул он. – Ты моя, и я тебя никому не отдам.

– Нет, надо идти, – с тоской возразила она.

– Я придумал! – Костя решительно встал, отряхнул джинсы. – Мы сейчас пойдем и скажем ему...

– Зачем?

– Я тебя люблю!

– А Елена?

– Господи, да что ты привязалась к этой Елене! – с досадой воскликнул он. – Она взрослый человек, она поймет...

– Зато Игорь не поймет, – задумчиво покачала головой Лара. – Нет, давай подождем еще немного. Не надо никаких скоропалительных решений.

– Ты что, сомневаешься во мне? – Он навис над ней, смотрел строго и жадно.

– Я как разумный человек... – важно начала она, но вместо ответа Костя сгреб ее в охапку, и новый долгий поцелуй заставил Лару умирать.

Легкие прозрачные сумерки уже опустились над лесом, когда они наконец выбрались из него. Издалека Лара увидела Игоря – тот шел в сторону станции, и беспокойство ясно читалось на его лице. Позднее раскаяние кольнуло Ларе сердце.

– Прячься! – Она толкнула Костю за широкое дерево.

– А как же...

– Завтра поговорим, завтра... Нас не должны видеть вместе.

Она побежала вслед за Игорем, позвала его.

– Ты где была? – испуганным голосом спросил тот. – Я уже Гелле звонил, и она сказала...

– Пустяки! – перебила его Лара. – Встретила одну знакомую, заболтались...

– Какую знакомую? – подозрительно спросил Игорь.

– Ты, кажется, ревнуешь! – весело засмеялась Лара. Она была настолько счастлива, что не могла скрыть своих чувств, но Игорь вдруг поверил ей, и складки тревоги между бровей разгладились.

– Надо мобильный завести, – серьезно сказал он. – У всех нормальных людей теперь эти игрушки. Да и вообще...

– Надо, надо, надо...

– У тебя все туфли в земле.

– Ужасные здесь дороги, ужасные...

– Чему ты так радуешься, Ларка?

Дома она, не раздеваясь, упала на кровать, раскинула широко руки и замерла в тихой блаженной истоме. Игорь подошел к ней, хотел обнять, но она не далась, оттолкнула его руки и сказала со счастливой улыбкой:

– Ах, пожалуйста, не тревожь меня, хочется полежать просто так, не напрягаясь...

– Да что случилось-то? – нетерпеливо топнул ногой Игорь.

– Понимаешь – весна, почти лето, все цветет, на сердце легко, хорошо! А голова пустая, в ней никаких мыслей... Лучше не бывает!

– Да, пустая голова – это хорошо. Сегодня наш главный бухгалтер...

– Игорь, Игорь, помолчи, ничего не хочу знать! – остановила его Лара и закрыла глаза.

Она сказала чистую правду – в голове у нее не было никаких мыслей, она просто отдавалась своим ощущениям. Радость жизни, которая, как Ларе недавно казалось, покинула ее на время майских холодов, вдруг вернулась. Она была прежней Ларой – жизнерадостной и беспечной, и ей совсем не хотелось думать о том, плохо или хорошо поступила она сегодня, целуясь с Костиком на берегу Яузы.

– Лара, а что у нас на ужин? – жалобно простонал Игорь, гремя на кухне пустыми кастрюлями. – Очень есть хочется, сегодня я не обедал из-за этого бухгалтера...

– Гарик, отстань! – крикнула Лара, не открывая глаз. – Сам что-нибудь придумай.

– Но я не знаю...

В первый раз беспомощность мужа в быту не вызвала у нее жалости и горячего желания заботиться о нем. «Я слишком его избаловала, – промелькнула в ее голове мысль, словно легкое облачко пронеслось по бескрайнему синему небу, – пускай приучается к самостоятельности».

На губах у нее еще горели поцелуи, которые подарил ей Костик, всем телом она ощущала удары его сердца, словно тот еще был рядом. «Я развратная женщина, – промелькнуло второе облачко. – И бог меня еще накажет... Ну и пусть».

* * *

Она старалась не произносить это слово вслух и даже в мыслях заменяла его различными эпитетами. Она была суеверна и недоверчива, как будто слово это приносило несчастье.

Считается, что характер человека и вся его последующая судьба зависят от детства, от того, каким оно было. Очень многие почему-то думали, что у Елены за плечами осталось тяжелое, несчастливое детство, но она сама, если бы вдруг решила пооткровенничать с кем-то, с этим не согласилась бы. «Мое детство было прекрасным, – сказала бы она, – я только одним недовольна – почему бог не захотел сотворить чуда? Если бы в конце той истории, которая произошла со мной тогда, произошло чудо и Гриша остался бы жив, то все было бы по-другому. Но слишком счастливой, наверное, быть нельзя...»

Не в характере Елены делиться с кем-то душевными тайнами, поэтому никто так и не узнал, насколько близко была она когда-то к полному, абсолютному счастью, которое заключено в том самом слове, произнести которое вслух столь трудно.

Кому первому пришло в голову, что двенадцатилетняя девочка может ухаживать за инвалидом, сказать трудно. То ли мама предложила, то ли тетя Марина бросила клич. Впрочем, особо ухаживать и не надо было – инвалид вполне мог сам обслужить себя дома. Только вот трудновато выбираться на улицу и еще кое-какие мелочи... Да и не в сиделке было дело.

Гриша являлся мужем тети Марины, родной сестры Елениной матери, то есть самым настоящим дядей Елены. Ему было тридцать, когда он переходил дорогу и бежевый «москвичонок» с пьяным водителем за рулем не дал ему дойти до края мостовой всего два шага – ситуация столь же нелепая и трагическая, сколь и частая на дорогах столицы. Можно сказать, что Грише повезло – он остался жив. Но Гриша так вовсе не считал, поскольку после аварии мог передвигаться, только сидя в инвалидной коляске.

Тетя Марина не бросила его лишь потому, что в те годы на экране довольно часто шел фильм «Не могу сказать «прощай»!» – жестокая отечественная мелодрама, заставлявшая рыдать миллионы и миллионы зрителей. Если бы тетя Марина бросила своего мужа, на ее общественном положении можно было ставить крест – все знакомые, друзья и сослуживцы единодушно осудили бы ее. Тетя Марина не покинула Гришу, причем, не только из-за боязни подвергнуться всеобщему осуждению. По-своему она даже продолжала любить его, будучи женщиной жалостливой и сентиментальной, но сразу же потеряла к нему всякий интерес, какой должен быть у любой жены по отношению к мужу. На стороне у нее сразу же завелись кавалеры, кстати, тоже вполне довольные тем, что тетя Марина решила сохранять статус замужней женщины.

Первое время Гриша не терял надежду – тоже под впечатлением той самой мелодрамы. Он все надеялся на чудо, истязая себя бесконечными физическими упражнениями, но потом стало ясно, что никакими зарядками не вернешь чувствительность его ногам. Да и тетя Марина, соблюдавшая все внешние формальности преданной жены, как ни старалась, не могла скрыть, что у нее появились свои интересы.

На его счету было три попытки свести счеты с жизнью, и после третьей на семейном совете решили – во-первых, ни на минуту не оставлять Гришу одного, а во-вторых, занять его каким-нибудь общественно важным делом, которое отвлекло бы его от черных мыслей. Первоначально хотели переквалифицировать Гришу в писателя – работа спокойная, творческая, не требующая вылазок из дому, но вскоре стало ясно, что к писательству у него нет никаких способностей, да и желания тоже – он перестал верить словам, считая всякую высказанную мысль легковесной чепухой, которую можно толковать, как кому заблагорассудится. Да и в счастливые повороты судьбы он перестал верить. Резьба по дереву под кокетливым названием «Татьянка» его тоже не увлекла, попытки заняться на дому репетиторством (до аварии он считался перспективным химиком-технологом) вызывали отвращение. Гриша вообще стал испытывать к людям мизантропическую неприязнь. Близких он еще как-то терпел, а со всеми прочими не церемонился – начинал откровенно хамить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.